

ИМЯСЛАВЕЦ

Книга первая

повесть

Владислав БАХРЕВСКИЙ

г. Москва

ПОТОМОК ПОТЕШНОГО ЦАРЯ¹

СКАЧКИ ПОД ХОЛЕРУ

Счастливая сумасшедчинка скакала в сердце. Завтра он — на Канулере. Упустить первый приз не то что невозможно — немыслимо!

Александр Ксаверьевич пытался гнать самоуверенность, как незваную подлейшую гостью, но ведь и впрямь Канцлер — это же Канцлер.

Отключая голову от завтрашнего конкурра, купил газету.

На первой полосе власти сообщали: «С 12 часов дня 29 июня по 12 часов 30 июня больных холерой состояло 198 мужчин, 89 женщин. Прибыло 108 мужчин, 35 женщин. Выздоровело 11 мужчин и 3 женщины. Умерло мужчин 18, женщин — 16 человек. 1 июля к 362 больным прибыло 171. Выписались из больницы 23 человека, умерло — 50».

Сообщение чудовищное, а в крови забухало злорадство. Необъятной выгребной ямой, отхожим местом пахнуло от блистательного Санкт-Петербурга.

Одёрнул себя: люди как мухи мрут. Столица империи для жизни смертельно опасна.

Назавтра безобразное злорадство, преждевременная радость обернулись провалом. На дивном Канцлере корнет Булатович, наездник опытный, удачливый, пришёл последним.

Перегорел и проиграл. Бывает. Но что в Петербурге творится!

Холерные сводки в газетах беспощадные.

Второго июля заболело 218 человек. Выздоровело — 33, умерло — 69.

Через сутки. Умерло 82 человека, в больницах — 787 петербуржцев, в подавляющем большинстве — из простого народа.

Власти, озабочаясь, закрыли кабаки в суббот-

Окончание. Начало в № 7-8, 2019 г.

ние и воскресные дни. Кинулись проверять фильтры водопроводов. Петербургский водопровод летом 1894 года давал ежедневно тринадцать миллионов ведер воды.

У дома принца Ольденбургского со стороны Царского луга и на набережной Невы поставили резервуары с кипячёной водой. Вдруг оказалось: природная жизнь в городе безнадежно утрачена. Город отравляет воду, воздух, убивает растительность, живность и человека тоже. Сословие благополучных давно уже не потребляет воду из рек, из водопроводов вживе — только кипячёную. Петербург колотило лихорадкой страха, а корнет Булатович всё скакал, скакал, добывая призы. Через неделю после провала на великолепном Канцлере непримечательная Моа добыла ему семьсот три рубля — первый приз. Обошёл ближайшего преследователя на шесть корпусов!

В этот же самый день, участвуя в барьерном состязании, был вторым на Альфе. К семистам рублям в бумажник легли ещё сто сорок.

Двадцать седьмого июля на Бросселанде Александр Ксаверьевич вёл гонку со старта. Пришёл первым. Призовых — четыреста тридцать четыре рубля!

Газеты печатали о смертях, о заболевших: весь этот ужас не за тридевять земель. Жизнь как зазеркалье. Но кто за зеркалом — гусар кинулся к батюшке Иоанну в Кронштадт.

Уже разоблачённый после службы, но ещё в омофоре, батюшка сидел в алтаре на лавке без сил.

Александр опустился на колени.

— Отче! Я и в храме веду себя как избранный. Опять в алтаре.

— Твое смирение впереди, — сказал Иоанн, благословляя гусара.

— Господь наслал мор на стольный град России. Это ли не знамение?! Отче, а я на конях тешусь. Тешу себя и чистую публику. Всё ради денег.

Священник прикрыл глаза веками.

— Человек постоянно погибает от греха. Зывай ко Господу, ко Иисусу Христу, сыну Божию, к Спасителю — и Он спасет. — Наклонился, глаза синие, и такое в них отсутствие страстей, что ли, желаний — сердце у гусара похолодело. — Вера должна быть ясновидящей. Иисус Христос

спасал меня бесчисленное множество раз. Ты думаешь, почему Бог даёт мне? Я прошу за верующих, уповаю на свой опыт. Сила веры, сладость молитвы, оставление грехов на себе испытано. Вот и прошу дерзновенно: «Господи, даруй им такое же благо, как даруешь Ты его всегда мне, недостойному».

Поднял Александра за плечи, посадил рядом с собой. Смотрели на жертвенник, на семисвечник.

— Батюшка, разве Господь услышит меня? Разве Богородица поглядит в мою сторону? Мне бы прочь бежать от Содома и Гоморры, а я — частица проклятых городов.

Иоанн молчал, перебирая чётки.

— У нас одна сила жизненная, другая — смертоносная. Помолись, как в детстве молился. Добрая сила выместит из твоей души силу злую, как пыль, — в глаза поглядел. — Избавляй себя от служения злему духу Иисусовой молитвой.

— Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя! — прочитал Александр.

— Вот и всё лекарство, — сказал Иоанн радостно, — против крепкого — Крепчайший, против невидимого — Невидимый. Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя! И с тобою — Жизнь.

— Как просто! — горечь прорвалась в возгласе гусара.

— Просто, — строго сказал Иоанн.

— Твоя молитва, батюшка, молитва, а моя... после скачек, после падений... — (В голове — горничная Оксана и подарок приятелей?) — Я так люблю иконы Богородицы: Владимирскую, Казанскую, Иверскую. Но что остается от любви после ярых грехов моих?

— Приступая к молитве Царице Небесной, будь прежде всего уверен, что ты не уйдешь от неё, не получивши милости.

— Это когда в грехах, как в паутине? Когда опутан грехом, будто куколка шелкопряда?

— Достоинно и праведно быть уверенным в помощи Её. Она — всемилостивая Мать всемилостивого Бога — Слова. О Ея милостях, неисчетно великих и бесчисленных, возглашают все века и все церкви христианские. Помнишь, что сказано в каноне Одигитрий? Мать Божия есть бездна благодости и щедрот. Приступать к Ней в молитве без такой уверенности неразумно и дерзко. Сомнением мы ос-

корбляем Её благость. Благость Божия оскорбляется малодушием нашим.

Булатович припал лицом к омофору.

– Батюшка, пришло ли время оставить мир? Изнемогаю от безумства собственной жизни.

– Послужи царю. Господь укажет тебе обитель и день покаяния.

– Я хотел на Мадагаскар ехать, но даже войны не оказался ненадобен.

– Господь утоляет жажду жаждущих. Не торопи время. Чему быть – будет.

– И что же? Снова скакать, гоняясь за призами? А в городе от холеры мрут.

– Монашество – терпение. Приготовляй себя. Учись не торопиться. Живи жизнью, какая тебе ниспослана.

Поликовался с Александром, благословил, отпуская:

– Царю, говорю, служи!

НОВАЯ ЗАРЯ

Авеликий государь Александр III, богатырь, ломавший пальцами пятаки, заболел. И, должно быть, очень серьёзно, газеты принялись извещать о ходе болезни. Стало не до себя.

«Их величество император Александр Александрович 21 сентября прибыл в Ливадию на лечение».

Через неделю: «Государь и государыня ездили к водопаду Учансу». Стало быть, со здоровьем лучше.

Петербургская холера отступила перед холодами. 3 октября к одиннадцати больным прибавились девять, да ведь не две сотни, умерли всего двое, поправились пятеро.

Но из Ливадии вести поступали тревожные. 4 октября консилиум врачей сделал заключение: «Болезнь почек не улучшилась, силы уменьшились». А врачи-то – светила: берлинский профессор Лейден, профессор Захарьин, лейб-хирург Вельяминов, доктор Попов.

«7 октября государь провёл ночь без сна...»

Наутро восьмого митрополит Палладий служил в Петербурге молебен о здравии государя императора. В Ливадию в этот же день прибыл батюшка Иоанн Кронштадтский.

Бюллетени печатались ежедневно, и все неутешительные.

Двадцатого октября газеты сообщили: «Государь ночь провёл без сна. Дыхание сильно затруднено. Деятельность сердца слабеет. Положение опасно».

«В 10 часов государь приобщился. В 2 ч. 15 минут пополудни сего 20 октября тихо в бозе почил».

Двадцать второго октября обнародовали манифест: «Божиею милостию. Мы, Николай Второй...»

Сергей Илларионович Васильчиков, глянув в газету, сказал Булатовичу:

– Ты удивительно похож на государя.

– Чем?!

– Чистотою лица. Ясностью взора.

Александром чудилось что-то очень нехорошее, лживое, что ли... И неизвестно где. В воздухе? В глазах людей?

Некий С.Я. Уколов опубликовал в «Петербургском листке» стихи:

*И ты, наш царь, душой своей
Покинув странствие земное,
Проси за нас Царя Царей
России мира и покоя.*

На другой день появились ещё стихи:

*Полны сердечного участия,
Встречаем новую зарю,
И благоденствия и счастья
Желаем Батюшке-царю.*

Батюшке Николаю Александровичу было двадцать шесть лет. На два года старше корнета Булатовича.

Та же Россия, тот же самый народ, но жить предстояло иначе. Из основательной зрелой мудрости окунались в молодое, может быть, и прекрасное непостоянство.

ВОЙНА В АБИССИНИИ

На святочном балу в доме Васильчиковых Булатович оказался возле дочери своего командира нечаянным образом.

Князь Сергей Илларионович, великий любитель уральского малахита, для своей сказки отдал уютную белую гостиную. Саженная ваза сто-

яла на малахитовом же постаменте посреди залы, четыре аршинных — между окнами, а дюжина миниатюрных в пядь, в две пяди — на круглых столиках, где кресла, и рядом на итальянском, эпохи Возрождения, буфете.

Александр Ксавьеревич спрятался от плясок, от картежных столов в царстве белого и зелёного. Сидел в кресле, рассматривая каменные узоры.

Непостижимо чудо Творения. В диких горах, под спудом гранитов, базальтов и чего там ещё — малахит. Узорчатый, цвета — вздохни и не дыши! Для кого? Для кого, если красота недр никому не видима.

Для Бога? Для Бога. Всякая частица Творения изумительна фантазией и красотой. До молекулы, до атома.

Видно, кончилась мазурка. В прохладную гостиную впорхнули дамы, заняли кресла. Тотчас появились кавалеры. Разговоры пошли, разумеется, о погоде. Январь, впереди Крещение, а на термометре — упрямый нуль.

Кто-то напомнил: сегодня в Мариинском театре «Жизнь за царя», а завтра — бенефис балерины Андерсен. Для неё поставлены «Парижский рынок», «Пробуждение Флоры».

Мужчины говорили о политике. Во Франции новый президент Феликс Фор. К власти прорвались коммерсанты. Впрочем, избрание Фора, благодетеля России, особенно в такое время, — Божия милость. Император Николай Александрович только-только входит в дела, молод. Слава богу, когда в таких государствах, как Франция, у власти люди, настроенные дружески. Фор — ястреб. Будучи морским министром, организовал поход на Мадагаскар. Колонизатор.

Княжна София, оказавшаяся напротив Булатовича, заговорила первая:

— За весь вечер я не слышала ни слова о Грибоедове. А ведь четвертого января ему исполнилось 100 лет со дня рождения.

— Если в Чацком Александр Сергеевич видел себя, то, видимо, он не любил балов.

— Ну почему же? Балы для Грибоедова тот же музей. Скалозуб, Анна Алексеевна, Фамусов, Молчалин.

— Как вы умеете подметить! Музей! — Булатович усмехнулся. — Град Петра нынче сплошь

Кунсткамера. На Невском, 27 открыт музей Шульц-Беньковского... Называется «Тысяча новостей». Главная новость в музее — мумия. Устроители определили ей возраст в две тысячи лет! Там же почему-то самые маленькие в мире лилипуты — господа Башкировы, укротительница змей — индианка мисс Симона. Но гвоздь всему мисс Крао — девица-обезьяна.

— Почему обезьяна?

— Заросшая.

— Но это уродство!

— Уродство в Петербурге в почёте со времён Петра Великого, — Булатович побледнел. — Вы знаете, не могу вспомнить ни единой строки из «Горе от ума».

— «Вот то-то все вы мудрецы!» — личико у Софии было серьёзно и печально.

— Ещё какие мудрецы! — согласился Булатович с Грибоедовым. — Я бы хотел оказаться где-нибудь в Абиссинии.

— Отчего в Абиссинии?

— Там совершается очередная подлость просвещенной Европы. Италия прошлым летом отняла у негуса Менелика провинцию Кассала. Стало быть, нынешним делом придёт к своему закономерному концу. Сильное европейское государство разнесёт пушками в прах глиняные стены эфиопских крепостёнок, и древний, библейских времён, христианский народ попадёт в рабство. Глядишь, сам папа римский будет приторговывать чёрными христианами. Христиане, но ведь чёрные!

— Я поехала бы с вами! — София вспыхнула.

— Вся моя езда — скакать на Медузе да барьеры сшибать.

Княжна поднялась:

— А вы верьте! Вы себе верьте!..

— Себе?

— Себе! И будет по-вашему, — повернувшись, пошла.

А он сидел сиднем, остолоп. Увидел, княжна чуть переваливается плечами, по-отцовски.

ПЕРЕМЕНЕ БЫТЬ

Семнадцатого января корнет Булатович дежурил во дворце.

Государь принимал депутации городов. Во главе депутации — командующий Главной

Квартирою генерал-адъютант Рихтер. Хлеб-соль Николаю подносили казаки. От Оренбурга — генерал-майор Ершов, от Уральского казачества — генерал-майор Максимов, от Семиречья — генерал-лейтенант Корняков. К хлебу-соли прилагались подарки.

Изумила икона из чистого топаза — в восемнадцать фунтов веса.

Донские казаки поднесли старинной работы складень, а репутация города Рязани — эмалевое блюдо с изображением «Избрания Михаила Романова на царство».

Булатович приметил: государь раз-другой поглядел на него. Мундир в полном порядке, и никаких проказ на совести.

После приёма Николай вдруг подошёл к корнету.

— Я всё думаю, кого напоминаете вы мне?..

Булатович впервой так близко видел царя, и впервой царь говорил с ним.

— Корнет Булатович, ваше величество, инструктор фехтования.

Государь улыбнулся.

— Вот и познакомились... Но знаете, что я решил. Вы похожи на того, кто смотрит на меня из зеркала.

— Ваше величество!..

— Это так. Хотя черты лица у вас иные... В чем схожесть, не пойму.

— В чистоте лица.

— А ведь это правда, — царь улыбнулся радостно, чуть склонил голову, ушёл.

Булатович видел: все, кто в зале, смотрят не вслед царю, а на счастливца. Беседы удостоился.

Сезон скачек для корнета, однако, начался неудачами.

На хорошей кобыле Нитуши сшиб два препятствия. Впрочем, все выступили плохо. Рануэй под Фуксом повалил бревно из соломенного барьера. Нини под поручиком Казнаковым, Генесман под поручиком Дерожинским, Энизал под ротмистром Листовым, Дрофа под поручиком Зеленским — все поносили препятствия. Чисто прошёл один только сотник Краснов и, что странно, сидел на лошади как-то очень нехорошо, и лошадь у него тоже была нехороша.

На следующих скачках Булатович доверился Медузе — и опять поваленный барьер.

А в мире совершались великие дела. Двадцать четвёртого марта 1895 года немцы открыли Северный полюс. Пароход «Эгир»² дошёл до Земли Франца-Иосифа. На четырехколёсном боте пристали к скалам, густо заселённым птицами. Промоина между скалами кишела рыбой. От пиков скал срывались снопы электрического света. Открывателями стали два офицера, три матроса, норвежский геолог доктор Юнгас, физик доктор Курт Барт, зоолог Флетшман.

Грустно, больше на земле открывать нечего. Открывая царственных начальников — двадцать пятого марта храмовый праздник лейб-гвардии конного полка — Булатович удостоился зреть своего шефа, великого князя Павла Александровича, главнокомандующего войсками гвардии великого князя Владимира Александровича, командира лейб-гвардии Преображенского полка великого князя Константина Константиновича, конногвардейского — великого князя Дмитрия Константиновича. А двадцать седьмого марта разыгрывали великокняжеский приз. Тысяча шестьсот рублей, четырнадцать препятствий.

На Медузе Булатович вышиб два раза соломенный барьер и кирпичи из стенки. На Рейстоне — всего один кирпич и занял второе место.

Страстная суббота пришлась на первое апреля. «Воистину воскрес!» — Булатович воскликнул в Крестном ходу вокруг колоннады Казанского собора.

Служил протоиерей Лебедев.

С первыми возгласами на Казанском соборе зажгли электрическую иллюминацию.

— Господи! А ведь перемена будет! — сказал Булатович Иисусу Христу.

Из Казанского собора поехал в Лавру, где служил митрополит Палладий. Приложился к мощам Александра Невского. Сердце переполняла счастливая, совсем мальчишеская радость: перемене быть.

Но уже девятого апреля участвовал в розыгрыше приза великой княжны Марии Павловны. Первой лошади — триста пятьдесят рублей, второй — сто пятьдесят. Медуза принесла своему хозяину победу.

Погода стояла небывалая. Всё, что могло цвести, зацвело.

Одиннадцатого апреля около полудня гул, несмолкаемо затянувшийся, будто ядро земли поворачивалось с боку на бок, возвестил Божьему свету: лёд на Неве тронулся. Булатович прыгнул в пролётку, примчался к Кунсткамере.

Утром лёд стоял окаменелый, вечный. И вот она — стихия. Чудовищные льдины, сойдясь на середине реки, сдавленные потоками льда, вздыбились, огромные, как динозавры. Они всё выпирали и выпирали, будто стремились подняться вровень с берегами. Не получилось. Громада стремительных, меньшего размера льдин оседлала льдины-великаны, навалилась и давила, давила, потопляя. И потопила. Но матёрый лёд, достигнув дна, ринулся вверх двумя ледяными потоками.

— Перемене быть! — Булатович засмеялся, счастливый и вполне успокоенный. Будто горным воздухом надыхался. Похожее в себе чувствовал. Безумное движение Невы, разбросанный по берегам лёд, стремление в просторы, в небо. А газеты окунали в очередную мерзость.

Изобретён способ опьянения. Новейший. Пьют эфир и очумевают. Но самое страшное: пьют эфир и очумевают дети двенадцати-тринадцати лет. Со знаменитостей брали бы пример. Среди писателей появились велосипедисты: Лев Толстой — в России, Эмиль Золя — во Франции, Роберт Джефферсон — в Англии.

А мало кому известный Булатович на лошадях скачет.

Скакал весну, скакал лето. Двадцать четвёртого июня на Велете был третьим. Двадцать рублей призовых. Через неделю в барьерной трехвёрстной скачке на Гултае снова третий. Опять двадцать рублей.

ПРОЩАЙ, КОНЮШНЯ

Осень на берегах Невы европейская. Сентябрь, а липы Васильевского острова зелёные. Трава зелёная. Воздух зимний. Ни ласки в нём, ни тёплых ветерков. Их сиятельство Север, ледяной, величавый. Но вопреки наступающим холодам, на первых осенних приёмах особенное тепло. Соскучились друг по другу, есть что рассказать о минувшем лете, у каждого свои новости.

Александр Ксаверьевич, долго не решавшийся

на серьёзный разговор с матерью, подпал под ностальгическую расслабленность.

Не ища благоприятного часа (продуманность подхода к родной матери казалась оскорбительной), на первом же осеннем приёме сразу после поцелуев заговорил о деле.

— Матушка, я нашёл средство избавить нас от омерзительного подсчитывания рублей и копеек — хватит ли до Рождества, в чем ещё себя ограничить?

Евгения Андреевна только брови подняла.

— Скоро будет Маркозов, мой товарищ, мой соперник в конкуре. И самый надёжный человек в моей жизни. Приглядишься к нему.

— Что ты задумал?

— Луциковка может и должна приносить достойные средства. Твой конезавод всего лишь утеха, — утеха времён помещичьих гнездовий. Мы с Маркозовым возьмём у тебя имение в аренду. Под прогон лошадей. Разумеется, породистых. Верховая лошадь желанна, покуда существует офицерство.

Лицо матушки, отданное на весь её приём очаровательной улыбке, замерло. Но тут появился новый гость, и Евгения Андреевна расцвела. Гостем, как на грех, оказался Маркозов, Александр понял, каков будет ответ. Испуг в глазах матушки длился десятую долю мгновения, но это был испуг.

Прощаясь, после удачного приема обнял сына:

— Ты молод, а в делах тем более. Я боюсь.

— Но Маркозов!..

— В делах друзей не бывает.

Александр всё-таки улыбнулся матери. Не поняла. И не могла понять: дворянин Булатович стал в одиночасье, подобно младшим сыновьям английских лордов, человеком мира. Прощайте, конюшня и четыре тысячи десятин земли.

А по службе вышло повышение. Двадцать четвёртого декабря корнет Булатович был назначен заведующим учебной команды.

ХОДАТАЙСТВО

1896 год не предвещал жданных перемен.

Манеж, дежурства во дворце, учебная команда. Постоянные педагогические взывания:

– Плечи колом! Спина чугунная! Расслабь-
тись. Рука с саблей не должна быть дубовой. Ваш
идеал – плакучая ива! Ребёнком себя вспомните!

Учить фехтованию – быть самому вечным уче-
ником в школе терпения. И по воскресеньям
терпи! Приёмы у матушки.

Сестра шепнула однажды:

– Саша! У тебя вид мученика!

– Я хочу в Луциковку.

– Зимой?

– Именно зимой. Там печи надо топить. Там
кому-то надо привезти дров, а кому-то – дать
касторки. Все и всё о тебе знают, и ты знаешь
всё и обо всех. Здесь я как трава, уснувшая под
пудом снега до весны.

– Слава богу, что весна тебя пробуждает! –
сердито сказала Маша.

Верно! Весна и на этот раз погнала Алекса-
ндра Ксаверьевича из обыденщины в жизнь
неведомую.

Второго марта была скачка. Медуза, не оттаяв
от зимы, шла покорно и равнодушно. Тогда он
принялся её придерживать, целую версту был
последним. Медуза взъярилась, принялась пи-
хать ногами землю как оголтелая. Всех оставила
позади себя. Александр сидел в седле, отпустив
повод, блаженно улыбаясь. Медуза этого не вы-
несла – её не приласкали за победу! – повернула
морду. Расцеловал ненаглядную.

В конюшне новичок в их братстве скачущих
офицеров подпоручик Криндич окликнул:

– Булатович! Это тебе будет интересно.

Подал обрывок газеты. Телеграф сообщал:
«Вчера, 1 марта, правитель Абиссинии негус
Менелик в кровопролитном сражении при Адуа
разбил наголову итальянский корпус генерала
Баратиери».

Булатович пожал плечами.

– Уже разбил. Без моей помощи обошёлся.

– Разве итальянцы успокоятся?

– Смотря как разбил...

Говорил нарочито покойно, а сердце в тамта-
мы било.

Помчался в библиотеку. Просмотрел газеты.
Оказывается, ещё в декабре в Англии, в Герма-
нии, во Франции писали о поражении итальян-
цев при Амба-Алаге, высмеивали премьер-ми-
нистра Криспи: обещал Италии корону негуса, а
поднёс две тысячи черепов собственных солдат.

Криспи, парируя критику, виновницей пора-
жения назвал Россию. Русские-де прислали Ме-
нелику сто двадцать офицеров. Но победа близка.
Необходимо двадцать миллионов лир, пять бата-
рей, четырнадцать батальонов, и негус Менелик
явится с верёвкой раба на шее. Его дни сочтены!

Русские берданки у негуса, возможно, были,
а вот офицеры? Разве что кто-то из авантю-
ристов?..

Горело в груди: уж так хотелось поглядеть на
битое белое воинство и на героев-дикарей.

Адуа не Амба-Алаге. Уничтожен не батальон, а
вся итальянская сила, прибывшая покорять бо-
соногие толпы. По носу получило большое ев-
ропейское государство! Официальных сообще-
ний, однако ж, не было. Уж очень далеко от Рос-
сии страна чёрных христиан.

И вдруг пятого марта Российское общество
Красного Креста уведомило военного мини-
стра П.С. Ваньковского о намерении послать
в Абиссинию санитарный отряд. На расходы
выделено сто тысяч рублей.

На другой уже день дипломатическую оплош-
ность исправили: будет послано два отряда. Один
– в Аддис-Абебу к раненым эфиопам, другой – в
Эритрею к раненым пленным итальянцам.

Библиотекарь предложил читателю-гусару
свежую брошюру «Абиссинцы в борьбе за сво-
боду». Два автора, скрывшиеся за инициа-
лами, объясняли, что такое дикая Африка для
просвещенной Европы: «Громадный паштет,
начиненный дичью, точнее, миллионами ди-
ких и полудиких народов всевозможных цве-
тов и оттенков. Со всех сторон вцепились в не-
го зубами жадные европейцы, пробираясь всё
дальше и дальше в глубь пирога и выедавая жи-
вую начинку. Страшная картина».

Прочитал и почувствовал на лице горячий за-
гар: должно быть, от гнева потемнел. Здесь же, в
библиотеке, написал ходатайство.

Судьбу корнета решал царь. И решил: десято-
го марта ходатайство было удовлетворено лич-
ной подписью: «Николай II».

Но вот что необычно: в Абиссинию заступ-
ник справедливости отправлялся в составе от-
ряда как частное лицо. Предосудительное для
человека государственного неподсудно –
вольному.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПОХОДУ

Корнету Булатовичу словно экзамены предстояло держать. Являлся в библиотеку и уходил вместе с библиотекарями.

На древнюю историю Абиссинии времени не было. Новейшая для страны, где библейский царь Соломон почитался родоначальником династии негусов, оказалась запутанной и прискорбной.

В позднем Средневековье Абиссиния имела сильных государей в Гондаре. Однако в последней четверти восемнадцатого века государство утонуло в трясине «времени князей». Князья не осмеливались возлагать на себя венец царства, но царь был нужен, и они ставили над собой негусов, имевших имя, но не имевших власти.

Сведения о новейшей истории были отрывочные, но картина нарисовалась явственная и мрачная.

Попалось Булатовичу «Сказание Иисуса». Апокриф о последних временах мира. «Берегитесь! — предупреждал эфиопов якобы сам Христос. — Золото обесценится, а железо возвысится. То, что называю золотом, не золото, а люди. Золото — это христиане, а железо — это язычники. Христиане потупят голову, а народ языческий поднимет... Будет смута в каждой стране, станут воевать друг с другом цари и князья с князьями. После этого я приведу царя из востока, имя которого будет Фёдор. Фёдор соберёт тех, которых я пощадил и которые творили Мою волю».

Фёдор действительно объявился. Некий Касса в 1855 году нарёк себя пророческим именем и принялся объединять страну. «Фёдор — первый и единственный патриот, когда-либо существовавший в Абиссинии», — писал о негусе англичанин Дафтон.

Негус Фёдор был серьёзным политиком. Произвела впечатление его записка: «Знаю я тактику европейских правительств. Когда они хотят захватить восточную страну, сначала присылают миссионеров, потом консулов для поддержки миссионеров и, наконец, батальоны для усиления консулов. Я не индийский раджа, чтобы дурчить меня таким образом. Предпочитаю иметь дело сразу с батальонами».

Батальонов ждать пришлось недолго. Негус, покинутый феодалами, остался против англи-

чан один на один. Гора Магдала его не предала, но на Пасху, двенадцатого апреля 1868 года, Фёдор отпустил пленников европейцев, освободил войско от присяги и тринадцатого апреля застрелился.

Наследственный правитель Шоа, нынешний негус Менелик, именно в эту пору бежал из заточения и объявил Шоа независимым царством.

Булатович просмотрел все карты Абиссинии, какие нашлись в библиотеке, а в Генеральном штабе с удовольствием нашёл горные вершины, спасшие несчастного абитуриента от провала на экзамене в лицей.

Вершина Буагит оказалась ближе всего к знаменитой теперь Адуа. Гора Лалибэла стояла чуть севернее Магдалы, где кончил дни негус Фёдор. Здесь неподалеку гора Коло. Озеро Марга — в стране галласов, на границе с загадочной Каффой.

На картах было столько белого, столько приблизительного. Для путешествий — хорошо. Но для налаживания жизни в стране, находящейся в состоянии войны, дело суровое.

ЗАДАНИЕ

В Генеральном штабе мудроликий подполковник начал разговор с корнетом Булатовичем у карты Африки, закончил у карты Абиссинии.

— Вот Судан, вот Уганда, — и показал глазами на карту мира. — А там крошечная Англия. У карликов большие головы и ненасытные желания, дабы освободиться от неполноценности. Есть какая-то рыба в океане, заглатывает жертву вдесятеро большую, чем сама, — улыбнулся. — Вы поняли?

— Так точно! — Булатович дотронулся рукой до Уганды. — От мыса Добрый Надежды до озера Виктории — территория, подчинённая Великобритании. Судан тоже захвачен. Абиссиния — клином.

— Англичане собираются соединить телеграфными проводами Каир с колониями на юге, но Конго, якобы независимое, по приказу из Берлина разрешения прокладывать связь через свои земли не даёт. Есть также проект железной дороги от Момбасы на Индийском океане до Хартума, которая должна пройти

как раз по берегам озера Виктории, и тут уж Абиссинии не миновать. Следует учитывать также подковёрную схватку между Англией, Францией, Германией. В мае 1894 года между Римом и Лондоном подписан протокол, по которому признаны преобладающими интересы Италии в Хараре и, стало быть, безмолвное разрешение на захват ею Абиссинии. Для Англии итальянское соседство предпочтительнее французского... Всё это, повторяю, надо иметь в виду. Наши интересы в Абиссинии в одном: негус и его окружение должны хорошо знать: православная Россия, император Николай II — единственные их заступники от посягательств государств-хищников.

— Разрешите вопрос: премьер-министр Криспи поминал Россию в своих оправданиях? За поражение при Абаладже?

— При Амба-Алаге. Амбами в Эфиопии называют столовидные вершины гор... В Абиссинии ныне пребывает офицер Генерального штаба капитан Звягин. Вы с ним, надеюсь, увидите. Есть еще Леонтьев Николай Степанович, херсонский землевладелец, он давно уже в отставке, дослужился до поручика... Командовал батареей во время сражения при Адуа, но исключительно по своей воле. Авантюрист. Впрочем, весь русский народ колониальные захваты воспринимает как неоварварство.

Подполковник подошёл к столу.

— «Московские ведомости» объявили сбор средств на колокола для церквей Абиссинии. Деньги по подписке для нужд санитарного отряда, к которому вы приписаны, поступают со всех концов России.

Развернул совсем небольшую карту.

— Это, собственно, Абиссиния. Вот её провинции: Тигре, Сэмен, Вагара, Гондар, Бегамедер, Дабра Табор, Годжам³ и, наконец, родовое гнездо негуса Менелика — Шоа. Для вас всё это пока что непривычно звучащие слова, но за каждым — территории, племена, интересы и свой собственный нор. Никогда не забывайте: чтобы вас поняли, надо знать, из каких краёв собеседник. Увы! Времени нет, и правду сказать, знаем мы об Эфиопии очень и очень мало. Наведайтесь к профессору Болотову. Возможно, он единственный в России человек, знающий эфиопские языки.

— Я пытаюсь достать лексикон амхарского, — сказал Булатович, — и не нахожу.

— Мы пошлём к Василию Васильевичу абиссинского иподиакона Гэбрэ-Крыстоса. Кстати, вот вам живая школа языка.

У Гэбрэ-Крыстоса черты лица — совершенство. Кожа — червонное золото. Улыбается застенчиво, но в глазах тоска — и такая тоска, какой в России ни в едином человеке не встретишь. Тоска древней расы по молодости племени, по временам царя Соломона.

— Что я должен знать прежде всего о вашей родине? — спросил Булатович иподиакона.

— У нас удивительно тихий, удивительно ласковый народ. Но в каждом мужчине — лев. В каждой женщине — львица.

— Надеюсь, тишина и ласка эфиопов не приторные?

— Наши люди живут, как живёт дерево, как живёт птица. У нас дома без углов, круглые, а каков дом, таков человек.

Александр Ксаверьевичу ответ иподиакона понравился, а вот что следует из округлостей стен — непонятно. Что-то, однако, следует.

Гэбрэ-Крыстос, знавший Болотова, договорился о встрече. На воскресенье, через два дня. Булатович, как настоящий разведчик, готовился к разговору.

Болотов был гением. Его отец — дьячок, провалился на Селигере под лёд и утонул за полтора месяца до рождения сына. Матушка Василия Васильевича пекла просфоры, зарабатывая в год (!) по двенадцати рублей.

Родился знаток древних африканских языков в Кривотыне, в селе. Духовную школу окончил в Осташкове, в таком же селе, только званием — город. Квартиру снимал с одноклассником, рядом с синагогой. Ребята бегали глядеть, как евреи молятся, стариков дразнили, а Болотов научился читать и писать по-еврейски. На каникулы взял в библиотеке «Богослужбные каноны на греческом, славянском и русском языках». Не имея словаря, составил пространный канон в честь своего покровителя Василия Великого на двух языках, на греческом и славянском. Семинарию окончил в Твери. Вышел со знанием латыни, греческого, немецкого и французского языков. На третьем курсе написал сочинение на

еврейском языке «Чем особенно привлекло к себе иудеев идолопоклонство?..» В семинарии начал изучать сирийский и арабский языки.

Поступив в Петербургскую академию, порази преподавателей, выучив за семестр английский. Изучал амхарский, коптский, гэыз — язык древней Эфиопии, а также армянский, грузинский, турецкий, мадыарский, персидский.

В сорок лет Болотова избрали членом-корреспондентом Императорской академии наук. Теперь ему было сорок три.

Тщательно вычеркнув лишнее, Булатович составил вопросник. Уместил на трех листах, но встретиться пришлось на минуту.

Генерала Шведова, начальника отряда, и корнета Булатовича ждали в Генеральном штабе, из штаба надо мчаться в Зимний пред государевы очи и на вокзал.

— Здравствуйте, господин Булатович! — Болотов смотрел на гусара с восторгом. — Я мечтал об Эфиопии, об Аксуме, о Лалибэле, а вам всё это видеть, жить среди людей, говорящих на амхарском. Вы столь молоды, что и на амбы взойдете. Страна Такла Хаймонота вас не разочарует.

— Василий Васильевич, — в глазах гусара метались отчаянье. — Я приготовил, убрав лишние, сорок вопросов. Но у меня уже и минуты нет для такой важной беседы. К государю позвали.

— И слава богу! Дивная Эфиопия станет ближе к России. Вот словарь, вот учебник, вот мои работы. Вы единственный за все годы моих учёных трудов пришли за языком... За величайшим чудом... В Абиссинии вы узнаете, какие там подвижники, как там любят Господа.

Булатович принял книги. Мгновение стоял, не зная, что сказать, и стыдясь уйти тотчас.

— Посидим! — предложил Болотов.

Сели. Василий Васильевич прикрыл глаза веками, творя молитву. Поднялся:

— С Богом!

Поцеловались трижды. Булатович сказал:

— Теперь всё так, как нужно.

— Вы русский. Вы полюбите Эфиопию, она хоть и древняя, но сохранила детство в душе.

Улыбку увёз с собой Александр Ксаверьевич с этой встречи.

В Генеральном штабе сообщили:

— Министр иностранных дел князь Лоба-

нов-Ростовский призывает к осторожности в отношениях с итальянцами. Любезное разрешение высадиться в порту Маседе может оказаться ловушкой. Итальянцы сделают все, чтобы не допустить русских в пределы Абиссинии.

Напутствие Главной Квартиры было коротким:

— Торопитесь с оглядкой, событий не опережайте, чтобы у нас было время предупредить отряд о политических интригах.

Николай II принял генерала Шведова и Булатовича в кабинете. Улыбнулся открыто, юношески.

— Я слышал, негус негусов Менелик любит паровозы. Бог даст, мы поможем ему проложить рельсы от Эфиопии до моря.

Пожал руку Шведову.

— Генерал, вы начальник над несколькими медиками и над конвоем охраны. Знайте, само ваше присутствие в Аддис-Абебе обезопасит страну негуса от повторного вторжения. Негус должен это понимать вполне отчетливо.

Пожал руку Булатовичу.

— Корнет, я завидую вашему путешествию. Пусть в Абиссинии порадуются и удивятся вашему владению лошастью, как все мы в Петербурге. Надеюсь по возвращении услышать от вас много удивительного об Африке и, главное, о жизни чёрных христиан.

Глаза у государя синие, лицо светлое. Чудилось, свет идёт от лица.

КОГДА БЫЛОЕ — ЯВЬ

Религия политики — выгода. Политика не отличает добрых дел от злонамеренных.

Только двадцать пятого марта 1896 года отряд Красного Креста под командой генерал-майора Шведова отбыл в Одессу. Итальянское правительство наконец-то уведомило министра иностранных дел Лобанова-Ростовского о разрешении на проезд русских врачей через порт Маседу. От Маседы до Аддис-Абебы, столицы негуса Абиссинии, — кратчайшая и сколько-нибудь цивилизованная дорога.

Море — не такая уж бескрайняя пустыня, когда на корабле женщины. Булатовича одарили вниманием неразлучные Серафима и Елена. Ореол непорочной чистоты сестёр милосердия

укрошал все нажитые в лейб-гвардии страсти и пороки, Александр Ксаверьевич вдруг обрёл в себе мальчика из Луциковки.

– Африка! – сияла синими глазами Серафима.
– Аф! Аф! Аф! Зажмуриться – и плыть, плыть.

– А потом с восхода солнца до чёрной пропасти тропической ночи прорубать тропу в джунглях! – урезонила восторги Елена, но смотрела на горизонт, как ребёнок, которому обещано чудо.

– Ещё мгновение, и у вас отрастут крылья! – защитил Серафиму Булатович.

Лицо Елены стало вдруг беспомощным.

– Вы себе представьте, корнет! Мы день и ночь с Симой будем среди страданий. Перед Симой тысячи, корнет, – тысячи! – искалеченных, гниющих заживо темнокожих людей, и передо мною – тысячи! Так будет завтра, послезавтра, в Страстную неделю, в Пасху...

– Не пугай заранее! – отмахнулась от будущей службы Серафима. – Живи нынешним часом. Море-то какое синее! Господи! На всю жизнь синевой запасусь! – и смеялась.

Они обе были прекрасны, и обе смотрели на офицера совсем иначе, чем смотрят сестры на братьев. Но замечательно ревность не омрачала ни сердец, ни глаз, юношеская влюбленность переполняла всех троих. Сделать выбор Александр Ксаверьевич себе не позволял.

Жизнь и в сказке обыденная, но сколь же изумительна такая обыденность для русского человека.

Чёрное море! Минареты Стамбула! Кипенье азиатских базаров. Мраморное море! Берега как сон. Здесь где-то Эфес! Здесь Троя, Миры Ликийские! Впрочем, это уже великое Средиземное море! Синяя дымка вечности скрывает остров Патмос – остров Апокалипсиса. Чудо за чудом, брега Геракла и Одиссея потонули в море, но поднялся пламенеющий на солнце Святого Востока – мир праотца Авраама, пророка Мухаммеда.

Булатович не позволял себе восторгов, не пытался стать частью здешней жизни. Смотрел. Жизнь для него одна: русская.

А на горизонте – Египет. Александрия! Кладёшь мудрости древнего мира – Александрийский музейон, Александрийская библиотека. Миражи пустыни. Чудится, стоит напярчь зрение, и явится маяк – одно из семи чудес исчез-

нувшей вселенной. Но земля-то – вот она! Ты наступил на след Архимеда! Ты идешь по дороге, где хаживали Птолемей, Евклид, Филон.

И все это не параграф из учебника – явь жизни. А коли жизнь твоя русская, будь настороже. Да и как иначе!

В Александрии получили телеграмму Министерства иностранных дел: «Итальянцы готовят коварное задержание отряда. Абиссиния не для русских».

Предписывалось сестер милосердия спешно вернуть в Россию. Отряду высадиться в Джибути.

Тотчас был пущен слух: русские отплыли в Маседу на французском пароходе. Итальянцы пароход перехватили. В это же самое время английское судно беспрепятственно миновало Маседу, прошло Баб-эль-Мандебским проливом вдоль берегов Сомали – и вот он, порт Джибути. На календаре восемнадцатое апреля 1896 года.

Корнет Булатович в мундире гусара лейб-гвардии стоял на палубе – с офицерами отряда, но не в общей шеренге. Он – частное лицо.

Измученная солнцем земля, бесцветная, голая. Синий карбункул Индийского океана. Джибути на берегу Аденского залива. Небо оранжевое, как апельсин.

Африка! Солнца ещё нет, но его слепящая золотая магма льётся по небу, и, скорее всего, восхода не будет, всё небо занято солнцем.

Генерал Шведов тоже в мундире.

Русских встречают. Россию встречают. Белого царя. А на термометре 44° по Реомюру.

Линию горизонта уродуют постройки. Это, должно быть, и есть Джибути. Сразу за причалом – огромная толпа! От берега её отсекает шеренга солдат. Чёрные лица, чёрные руки, чёрные ноги. Рубашки белые, холщовые, на головах – крошечные бескозырки. Тоже белые, холщовые, с жёлтым околышем. Кто-то из англичан пояснил: полиция.

На берегу становится понятно, полиция не только по случаю небывалого события – на землю Африки ступило столько русских, но она – живое ограждение от сгорающей в пламени любопытства толпы.

Пот заливает лицо, но мокрая рубашка – спасение от теплового удара. Толпа гомонит, чёрные лица, безобразные красные рты, горящие

глаза. Чёрных нет, это так показалось издали — все бронзовые, все чернокудрые.

Вместо чуда, столь жданного Серафимой и Еленой, — серая кисея пыли из-под босых ног. Серые стены, серая площадь и уже успевшее потерять цвет небо. Оно тоже теперь пепельное от пыли, от зноя.

Наконец, благодатный сумрак огромного помещения. Тишина, относительная прохлада. То ли казарма, то ли караван-сарай. И первая новость: в Джибути нет верблюдов. Все взяты на войну. Но это половина проблемы: необходимо соизволение негуса на въезд в Абиссинию. Хоть возвращайся!

Генерал садится писать донесение. Оно должно быть предельно коротким — для телеграфа.

На мундирах проступает пот, термометр одолел отметку 50.

Была не была! Булатович подошёл к генералу.

— Разрешите немедленно отправиться в Харар. Я сумею добыть верблюдов и сообщу негусу о нашем прибытии.

У генерала белки глаз красные, лицо кирпичное.

— Корнет! Храбрости мало в чужой, не тронутой цивилизацией стране. Карты у нас приблизительные, но дороги отсутствуют не только на карте. Их вообще не существует.

— Я участвовал в конкуре от Петербурга до Киева и до Харара доеду.

— В киевском конкуре под вами была лошадь.

— Господин генерал! У нас нет другого выхода. На верблюде прокачусь с почтовыми курьерами.

Другого выхода не нашлось через день, через два...

Утром двадцать первого апреля предложение корнета Булатовича было принято. Отъезд назначили на восемь часов вечера.

— В Африке люди живут по-звериному, — генерал пожал руку корнету. — Благополучных вам ночей, Булатович.

ЖИЗНЬ ПО-ЗВЕРИНОМУ

— Ну вот, — сказал себе Александр Ксаверьевич, стоя над распотрошенным багажом. — Ночи в жаркой пустыне, а в горах особенно — ледовитые.

Положил в дорожную сумку фланелевую ру-

башку. Примерил купленный в местной лавке суконный надбрюшник: без одного приспособления на верблюде не много наездишь. На ноги пойдут замшевые чакиры и гетры. Вместо сандалий — поршни. Для головы — пробковая белая каска. Белый плащ, белый зонтик. Одет, обут.

Перешёл к оружию. Для охоты — дробовое ружьё. Штуцер — для разбойников, револьвер — на крайний случай. К ружью взял сто пятьдесят патронов, пятьдесят — к штуцеру, двадцать пять — к револьверу.

— Чемодан!..

Чемодан тоже придётся везти. Гусарская парадная форма, шведская куртка, две пары белья.

— Офицерская сумка...

Сюда — столовый прибор, котелок, вениговые чайник и две сковороды. Чай, сахар, три фунта шоколада, две банки какао, две — компота, две бутылки коньяку, две — красного вина, две — клюквенного экстракта, коробка с печеньем. Умывальный прибор, иголки, шило, дратва.

— Но ведь ещё документы, подарки!

Бумаги и подарки потянули на восемь фунтов. Восемьсот двадцать талеров тоже тяжесть. Да мех с водой.

Провизия курьеров — мешок ячменя.

Весь багаж — восемь пудов четырнадцать фунтов.

— Африка, принимай!

Увы! Почтовые курьеры суданец Саид и араб Гай с выступлением в поход не поторопились.

Верблюд Александра Ксаверьевича был накормлен, напоен. Ровно в восемь покрыт для значимости предприятия трёхцветным полотнищем цветов флага Российской империи, а Саид и Гай уселись ужинать.

Булатович готов был вскипеть, но мудрый генерал взял корнета под локоть и повёл в свои облачные, но устланные коврами апартаменты. Угостил кофе и рюмкой коньяку.

— Дорога у вас неведомая, а проводники — люди опытные. Корнет! Ни на единое мгновение не забывайте, Восток — дело мудрёное, а мы куда дальше Востока, мы в Африке. Здесь терпение — не последний по значимости талант.

В кромешной африканской толпе Александр Ксаверьевич сел, наконец, в седло лежащего на земле верблюда. Верблюд, колыхнувшись, будто

накатила огромная волна, поднялся. Каменистая вечная земля тотчас обернулась зыбью.

Сердце гусара сжалось и стало сердцем мальчика из Луциковки. Мальчик когда-то оказался один на один с матерым волком, гусар перед Африкой успел посмотреть на часы: десять.

На первом верблюде — главный курьер Саид. Верблюд гружен талерами. На втором — Гай. У него мешок ячменя, вода и прочая провизия курьеров.

Третий верблюд — под русским знаменем. На верблюде корнет лейб-гвардии Булатович.

Кто-то из французов сказал генералу:

— Сомалийские верблюды слабые. Двести килограммов груза для них предел.

Тьма смысла очки Джибуты в мгновение, так море смыкает следы на песке.

Африканская ночь пахла... рекой. Александр закрыл глаза, чтоб не мешали слушать. Уж так захотелось всплесков родной Сумы. И всплеснуло, но не волной — звеняще веселым, пританенным воплем... «Шакалы!» — догадался Александр, рука сама собой нашла приклад ружья. Шакалы — враг не страшный. Не волки.

И вдруг стало ясно, будто в груди рассвело. Всё, что осталось позади, не было жизнью. Все эти скачки — жизнь? Все эти балы, где богатые одеваются в бриллианты, а бедные — в гордыню чести, — жизнь? Манеж, треск рапиры, взвень сабли, кто ловчей, кто быстрее — жизнь? Луциковка была жизнью. Но ведь он этого не понимал, ждал: жизнь будет потом, в Петербурге. В Петербурге — царь, великие поэты, учёные люди, в Петербурге — история. Но какое отношение к истории имел он, дворянин Булатович. Да, дежурил в Зимнем, в гнезде, где из золотых яиц проклёвывается будущее... Но разве в Зимнем, — в том Зимнем, который открывался ему, — история? Император, получающий подарки от губерний, от казачьих атаманов — история? Река времён? Но ведь всё, что называется нынешним днём современностью, — крошечная волна в той реке, жизни все ещё не было! Одно ожидание. Чего? Полковничьих погон... Полковникам до истории далековато. Генеральских?

Булатович всматривался в темень... В глаза были звезды, мешающие что-либо увидеть на земле. Боже мой, какая мука ехать на верблюде! Подташнивало...

Однако ж эта африканская темень — жизнь! Его жизнь! Его мгновения. Господи! Бывает ли у людей подлинная жизнь? Такая, как Евангелие...

Небо прямо-таки прогибалось от звёзд. В Африке от звёзд столько же света, как в России от снега. До урочища Баязе — дорога. Это означает: с тропы убраны камни, рытвины засыпаны. Благодать в пятьдесят вёрст длиной. От Баязе до Харара ещё триста. Библейского бездорожья. У Саида глаза, должно быть, кошачьи. Не теряет тропы. О это монотонное нырянье с волны на волну. Верблюд — корабль и море. Желудок подкатывал под горло. Не до звёзд и вообще ни до чего.

Гусар терпел час, другой час. Как-никак потомок Симеона Бекбулатовича — самого терпеливого татарина на белом свете.

Стошнило вдруг, выворачивая душу наизнанку, но также полегло.

Пустыня, верблюд, ночь, Африка — всё это лепилось на краешке сознания. Прошлую жизнь зашторило, будто она всего лишь окно. Ни единого образа перед глазами: ни княжны Софии, ни малой сестрицы Мари, ни матушки. Здесь и сейчас.

Даже Медуза не шла на ум. Верблюд! От того, как скоро корнет Булатович явится пред очи негуса или еще каких-то властей, зависит судьба отряда, жизнь и смерть страдающих от ран эфиопов.

Потребовал ехать быстрее. Курьеры послушно растормошили верблюдов. Пятьдесят верст одолели за десять часов. В восемь утра солдаты французского караула приветствовали прибывших.

Караул ютился на дне глубокого ущелья. Есть деревья — стало быть, тень, трава и вода.

Узнал: до урочища Аджин еще пятьдесят вёрст. Все расстояния будут теперь приблизительно. Жара сваливалась в ущелье откуда-то сверху. Но жить пока что можно. Лёг и заснул. Быть молодым прекрасно. Поднялся в семь вечера, в восемь уже были в пути. Дорога поползла вверх. Караванная скорость ну никак не устраивала ни гусара, ни тем более посланника. Верблюдов пришлось взбадривать нагайками. Было отчего поспешать.

Счастливые вопли шакалов глушил и мертвил рёв гиен. Шакалы радовались добыче издали. Для

них сожрать человека — недостижимая мечта.

Гиены подходили совсем близко. Фосфорические глаза пылали то справа от тропы, то слева и постоянно за спиной. Нападать не смели. Звериный закон уважает того, кто больше тебя, кто выше тебя. О гиенах пишут — трусливые, но рука гусара намертво держит повод узды, а дружку от седла не оторвать.

У звёзд неведомый праздник. Свисали гроздьями, как виноград. Сиянье великолепнее бриллиантов. Во дворце на бриллианты насмотрелся. Где земному до небесного!

Открытие сделал: забыл о тошноте, о гиенах. Ни рева, ни фосфорических пуговиц. Отстали.

Чуть было не наехал на Гая. Гай сказал по-английски: Саид сбежал. Остановились. Гая трясло.

— Саид — в Судан! У Саида деньги.

Вот тебе и звёзды.

— Что будем делать, Сахиб?

— Искать.

Приказал арабу спешиться.

Сам повернул верблюда, погнал рысью. Слава богу, звёзды и впрямь дают свет. Можно различить, где земля, где небо. Но куда скакать? Если Саид бежал, он мог повернуть направо, мог налево. Возможно, затаился.

Дурь какая! Все деньги доверили неведомо кому. Разумеется, курьер... Но сегодня — курьер, а завтра — разбойник. В Сомали все разбойники.

Перекрестился.

На фоне сияющего неба — верблюд и путник.

— Саид!

— Я, господин... Верблюд лёг. Еле тяну, — дошли до Гая, сделали привал.

— Давайте чаю выпьем! — решил Булатович.

— Нельзя, господин! Огонь увидят сомали. Сомали грабят всякого.

Через час тронулись в путь. Смирненно, не погоняя хлипких верблюдов.

На рассвете втянулись в урочище Аджин. Зелёная щель среди бесконечной серой пустыни. Проводники всякий раз называли урочище по-иному. Аджина, Аджине, Аджан.

Спать легли на зелёном ковре травы, в тени кустарника. До Чуда жизни — ручья — всего сажень.

Целый день отдыха!

В восемь вечера наполнили меха водой — и здравствуй, дорога, которой нет.

Снова ночь под звёздами. Служба корнета, скачки, Петербург, Россия стали небытием. Бытие — ночь, звёзды и Саид с Гаем, понукающие верблюдов. Военный в Булатовиче был настороже.

Саид оставил тропу, забирает влево.

— Мы отклоняемся, — предупредил проводника Булатович.

— Отклоняемся, господин! На тропе могут ждать сомали.

В полночь прошли урочищем Ферад. Саид сам принялся погонять верблюдов.

— Ферад — гиблое место. Здесь жёлтая лихорадка.

Заря нашла курьеров в урочище Мордалэ. Голые скалы, по краям — острые, отвесные, сверкающие, как сахар.

Александр позволил себе прикладываться к меху с водой. Смачивал голову, но волосы даже под шлемом высыхали через мгновение. Чудилось: от малейшего трения одежда вот-вот задышит. Небо дрожало, стало быть, уже горело где-то. Но ежели в седле — вперёд!

В два часа дня достигли урочища Дагаго. Двадцать часов без привалов! Сто вёрст позади. Выходит, по пяти — за час.

Саид посадил верблюдов. Булатович не сошёл на землю — сполз. Лежал возле верблюда, не разжимая век. Без воли, без сил. Земля под ладонями твёрдая, но она вздымалась и опадала, будто по ней прокатывались волны.

Негоже перед проводниками выказывать бессилие. Русскому — перед здешними. Гусару — перед самим собой.

Поднялся. Развёл огонь. Сварил какао. В какао плеснул коньяку. Выпил. Захотелось есть. Достал печенье и компот. Остудил питьём жар, в груди, в желудке, в жилах.

Саид и Гай улыбались заговорщицки: угомонила дорога прыткого. Ошибались. Уже через два часа были в седлах.

Горы! По горизонту — синие, словно бы срезанные сверху. Столовые. Так это называется в географии.

На лужайках паслись, не убегая прочь, цесарки, куропатки... Тропа вторглась в заросли, перевитые лианами. Цветущими. Всё цело! Деревья, трава, лишайники на камнях. Цветы на деревьях синие, небом выпестованы.

А вот и города. Высотой в метр, в полтора. Термитники. Жителей — миллионы. Пора передохнуть, но для стоянки место непригодное. Здесь уже через час будет как в топке паровоза.

Поднялись на ровную террасу. Земля опалённая, рыжая с чёрным.

— Самое горячее место, — сказал Саид.

Взошли еще на одну террасу. Верблюды терпели зной. Александр Ксаверьевич раскрыл над собой белоснежный зонтик. С земли, посверкивая, манили белизной огромные валуны кварца. Кварцы — вестники золота, но до золота ли?

Солнце маленькое, белое, беспощадное, а жар шёл с земли. Неведомо откуда накатывали обжигающие потоки воздуха, будто где-то дракон пускал огонь из пасти.

И — чудо. Пошли леса. Леса мимозы! Жар давил растения, но на два-три аршина деревца поднимали кудрявые ласково-зелёные с золотистым отливом вершины. Человеку — с головой, верблюду — по горб. Листочки у мимозы нежные, а по стволам — чудовищные колючки.

— Как железо! — сказал Саид, и вдруг верблюд Александра Ксаверьевича ухватил одну такую колючку губастым ртом. Сжевал.

Всадники возвышались над лесом. С кудрявых вершин деревьев, как конфеты с ёлки, брызнули, засверкали на солнце красным, зелёным, синим стайки крошечных птиц.

— Колибри?

Проводники местных улиц не знали.

— Вода! — обрадовался Александр Ксаверьевич.

Там, где кончалась у горизонта огромная роща мимозы, путников ждало голубое озеро.

— Мираж! — объяснил араб Гай.

— Но там лебеди? По крайней мере, стаи белых птиц.

— Мираж! — взял сторону Гая Саид.

В шесть часов караван одолевал подъем к урочищу Бусса. Вспугнули стадо газелей дикдик. Тут и долина ожила. Потекли скопом и струйками серны, антилопы. Вдоль по дороге, путаясь в ногах верблюдов, мчались куропатки. Взирали на шествие степенные длинноногие дрофы.

— А ведь это какаду! — обрадовался Булатович.

У Саида в глазах тревога. Показал на ружье, сделал запрещающий жест — и глазами вниз. По соседней нижней террасе за огромным кабаном шли его самки и многочисленные дети.

— Мое ружьё — глаза, — сказал Саиду Александр Ксаверьевич.

Ему тоже было не по себе, соседство опасное, но страшные свиньи скоро забылись.

Высоко, величаво плыл кругами над караваном белый сокол. Ещё один! Ещё, ещё!

И тут, расшвыривая звенящие камешки, промчались через тропу... антилопы! Всё в них совершенство. Тела, чёрные рожки, горные копытца.

— Ах, какое чудо! — пришёл в восторг Александр Ксаверьевич.

Саид улыбнулся. И снова показал вниз. Зебры! Целое стадо. И оба вздрогнули, а верблюды пустились рысью. По вершинам деревьев мчался павиан. Гневаясь, тряс деревья с такою силой, словно хотел вывернуть их с корнем!

— Африка! — покачал головой в великом удивлении Александр Ксаверьевич. Не Луциковка, не поле для конкур под Царским Селом — Африка. Он в Африке.

И тут лёг верблюд Гая. Поклажу разделили надвое, перегрузили. Пошёл караван.

Встретилось селение. Круглые дома, крытые соломой. Людей не видно. Не показываются.

Урочище Бусса осталось позади, впереди — Арту.

Редкие мимозы, голые камни. Саид показал колючие мимозы на земле.

— Сапог прокальвают!

В Арту пришли в час дня. Семьдесят вёрст одолели за девятнадцать часов.

В Арту обилие воды. Наполнили меха и через полчаса уже в седлах.

— Господи, дождь! — изумился Александр Ксаверьевич.

Дождь тоже испытание, если нет ему конца.

К Джильдессу сквозь клубящийся туман вошли в половине седьмого вечера.

— Ворота Африки! — сказал Саид.

Здесь гарнизон абиссинского войска. Здесь таможня, но никакой стражи. В Джильдессе купцы перегружают товары на верблюдов местного племени. Племя грозное — галласы. Деньги купцы платят не таможене, а племени.

Возле большого дома Саид выстрелил из ружья. Выстрел вместо звонка. В доме жил гыразмач Ато-Марш — правитель города, начальник гарнизона.

Эфиопский генерал был не молод. Но его лицо выражало детское любопытство и счастливую детскую радость. Гостя тотчас усадили за стол, подали курицу и большие плоские лепешки. Булатович уловил слово «ынджера».

Слуга принес похлёбку и чёрной горстью накладывал содержимое на ынджеру, лежащую перед иноземцем. Накладывал, накладывал, вопросительно поглядывая на русского. Что-то было не так, но спросить не у кого.

Ато-Марш засмеялся и сказал слуге:

— Неальфелигам!

Слуга тотчас перешел к Саиду. «Неальфели» означало «не желаю».

Узнав, что русский едет к негусу через Харар, гыразмач без промедления отправил курьера к расу Мэконнну.

Без разрешения на въезд в Харар могли не пустить.

Трапеза получилась поздняя. Спать легли в двенадцать ночи, а в половине третьего уже оседлали верблюдов.

— Африка! Отныне ты жизнь моя, — сказал себе Александр Ксаверьевич, взлетая над землей, — уж очень резко поднялся верблюд.

Двигались вдоль русла реки Беладе. Скалы подступали к тропе так близко — рукой можно до камней дотронуться. Скалы — сплошь гранит. Могуче, грозно.

Скорость движения падала, шли на перевал, а дорога всё круче да круче.

В Африке светает разом. В пять часов под морсящим дождем одолели самую высокую точку перевала. Неба нет, от земли — тьма. Воистину чёрный континент.

Перед глазами встали вдруг Носович на Гарде и барон Вольф на Елизавет. Большой стипль-чез — в Удельной, первый приз — 1478 рублей. Первым шел Верина, он на Велете держался вторым. Носович и Вольф отставали на корпус. Он обернулся и увидел, как же они хотят догнать, но где им. «Где вам, хлопцы фон бароны, — засмеялся вдруг. — Где вам догнать меня... Далеко отстали!»

И тут молния стеганула по тьме чудовищной хвостатой плетью. Тьма ослепила, а он, наоборот, прозрел, увидел вихри туч на небе, вихри гор от самого края земли до другого края и долину — фиолетово-синюю, с алмазной нитью реки.

Яростная тьма в страшной спешке стёрла тотчас Африку с лица земли, и показалось: тварный мир снова стал небытием.

Гром не ударил, не прокатился по небесам. Это и не было громом: треск электрического демона походил на рассыпавшийся костяк титана. Но воздух стал озоном, и уже не костяки грезились, а нечто молодое, новорожденное.

Молнии вспыхивали по всему небу, впереди и за спиной. Это уже была не гроза, а война.

Какое там любоваться, оставалось одно: перетерпеть и выжить. Стрелы падали совсем близко, и Булатович впервые в жизни испугался неба. Гибель была неминуема, а караван шёл и шёл, покуда тьма ночи не ухнула в тартарары. Утро, однако ж, не побаловало наливным оранжевым восходом. Чёрное стало смурым. Тучи уже не кипели над головой, но тяжело провисали, как беременные коровы. На землю рухнул ливень времён праотца Ноя.

Земля поехала под ногами верблюдов. Булатович, глядя на Саида и Гая, расстался с седлом. И все дружно, верблюды и люди, сползли на дно оврага в ручей. Слава богу, земли на этих горах было немного и селя не случилось. Ливень иссяк, но оказалось, он собирается с новыми силами. Караван шёл себе, хотя вода с небес кипела, как газированная.

В Харар вступили в четыре часа дня. Булатович посмотрел на часы и сделал запись в тетради: «50 верст пройдены за 13 1/2 часов. 350 верст от Джибути до Харфа преодолены за 3 суток 18 часов». Заместитель раса Гера-Азмач-Бантье.

Бантье уже знал: русский проделал путь на целые сутки скорее самых скорых курьеров.

Александр Ксаверьевич не мог понять, отчего так много народу вдоль дороги. На крышах тоже густо. Женщины встречали героя высокими мелодичными трелями.

Удивляясь, он приветствовал женщин улыбкой и высоко поднятой рукой. Трели становились ещё радостнее, изощреннее.

То было начало живучей легенды о русском гусаре. «Человек-птица». Гусар одолел триста пятьдесят вёрст пустыни, горных хребтов, сумасшедшей жары, зверья, разбойников сомали за трое суток и восемнадцать часов. Таких быстрых африканская земля ещё не видывала.

КАКОВО БЫТЬ АФРИКАНЦЕМ?

«Абиссиния» — слово звучит как оркестр.

Александр Ксаверьевич улыбнулся, потянулся. Африканская скачка закончилась, началась африканская жизнь.

Услышал то ли стон, то ли странный зов. Голос женщины. Вышел из круглого своего жилья. Через дорогу возле такого же дома всем напоказ — обнажённая юная женщина, привязанная к столбу. У ног на земле — длинные прутья. Видимо, женщину только что били. Стыдись, он отвернулся. Но слуги во дворе глазели на мученицу: уж очень хороша. Вскрутилось в сердце: варварство. И осадил себя. Приехал в чужую жизнь. Желал, как здесь умеют.

За четверть талера прекратил наказание. Юную женщину отпустили. Спросил, где церковь, и узнал удивительное. Рас Мэконнын, получив Харар в управление, разделил местную мечеть надвое: половина отошла христианам под храм.

Город был шоколадный. Земля — как шоколад.

Завтракать не позволяли, но никто даже не заговаривал о еде. Оказалось, среда. По средам и пятницам местные христиане садятся за стол не раньше двенадцати часов. День постный. Даже рыба не позволена. Едят хлеб и овощи.

Александр Ксаверьевич решил посмотреть округу. Ему дали рослого мула и десять солдат. Пробовал возражать, но сказано было твёрдо:

— Данакиль!

Пришлось смириться. От сомали Господь берёт, а в Хараре своя напасть — «данакиль». Земля и вправду словно выкрашена, температура воздуха под сорок, но над тёмной пустыней — горы и вершина белая от снега. Спустились к реке Эррэр. Круглая церквушка, круглые крошечные хижины. Монастырь. Нищенство монахов было, пожалуй что, крайнее. Впрочем, настоятель знал французский язык и разорённых войной купцов.

Александр Ксаверьевич превратил беседу в урок амхарского языка и пополнил знания о жизни Абиссинии. Оказалось, круглые церкви не потому, что здесь строгие круглые дома. Круг — знак вечности. Старые церкви в Абиссинии называют горами. Монахов было пятеро. Отдельно, в стороне, жил аскет.

Для гостя монахи спели и сыграли. Пение одноголосое, но звучало замечательно. Сам настоятель играл на однострунном инструменте — видом нечто среднее между балалайкой и гитарой. Звуки извлекал смычком виртуозно. Звуки начались глубоким вздохом и вели, вели, истончаясь до непонятного: то ли звук всё ещё идёт от струны или это уже щемит сердце.

— Под звуки масенко⁴ отходила ко господину Богородица, — сказал настоятель.

Александр Ксаверьевич дал монахам талер и попросил разрешения приезжать, учиться амхарскому языку и молиться.

Настоятель, прощаясь, показал гостю скит аскета. То был вырубленный в каменной природной пещере гроб. Аскет стоял на одиноком камне на одной ноге.

— Это и есть его аскеза? — спросил Александр Ксаверьевич.

— Нет, — покачал головой настоятель. — У него другое постоянное правило. Он кладёт ежедневно восемнадцать тысяч поклонов.

— Я слышал, в Абиссинии есть храмы, высеченные в скалах.

— Это в Лалибэле. Таких храмов там сохранилось одиннадцать.

— Лалибэла — название местности?

— Теперь да. Но это имя царя династии Загве. Храмы высечены на склонах горы Абунэ-Йосеф. Лалибэлу царём признали пчёлы. Рой окружил новорожденного. Взрослым человеком он был взят на седьмое небо. Увидел храмы и получил благословение строить подобные на земле. Лалибэла строил храмы десять лет. Он купил землю под строительство и платил мастерам щедро. Храмы строили белые, бежавшие от арабов. Лалибэла — сказочно богатый государь. В его царство было три горы: одна — золото, другая — жемчуга, третья — сапфиры, и ещё холм из драгоценной мирры. Лалибэла задумал вернуться Нил. Не ради славы, а чтобы изгнать из Африки, из Египта арабов.

Настоятель был книжным человеком, говорил медленно: слово, ещё слово, пауза и опять слово, а если видел, что русский офицер не понимает, искал французское.

— Вы — моя школа! — просиял Александр Ксаверьевич.

В ХАРАРЕ

Утром поехал в монастырь. Шалаша, круглая церковка, но имя монастыря родное — Георгиевский. В Абиссинии всякий мужчина — герой, потому и почитают здесь Георгия Победоносца.

Гера-Азмач-Бантье, заместитель раса Мэконнына, приставил к русскому десять солдат. Одному бы побыть, помолиться, прикоснуться душой к Африке — не выйдет. Прямо-таки королевская жизнь под взглядами берегущих тебя. Ускакать? Рассердишь. От негуса разрешения на въезд в Энтото пока что нет.

Кругом канделябрами — огромные молочаи, кажется, их называют лагантскими. Гуляют, как домашние птицы, дрофы. На ветку мимозы села, сверкая сине-зелёным оперением, чудесная птица. Господи! Зимородок! Редкая для России птица. Сердце затаивалось от мальчишеского — такое только в Луциковке было! — восторга. Он — в Африке. Здесь слоны, бегемоты, львы, жирафы... Живут как умеют... В России это чудо жизни держат за железными решётками.

Антилопы промчались... И уже не удивили, он сам теперь тоже Африка. Тридевятое царство. Странного цвета земля, женщины с выкрашенными этой землёй волосами...

Воротился из поездки в монастырь. За полдень. Можно вкушать пищу. Выпил тэджа — местной медовухи, съел кусок огромного блина. Таков здесь хлеб — бинджер. Лёг спать. За стенами дома — море жары.

Земля уже перестала покачиваться — верблюд землю раскачал, но глаза, привыкшие за дорогу схватывать невиданное, запоминать, изумляться, пугаться — к покою все ещё не приспособились.

Сегодня тоже было на что посмотреть, иное требовало запечатления, но это все-таки не позирание пространства.

После отдыха Александр Ксаверьевич вёл дневниковые записи, просмотрел карту, учил по книгам Болотова язык.

Ночь в Африке приходит в одно мгновение. Эфиопы послушны природе, даже их цари, их герои. В девять вечера дворец раса спит.

Новый день — новые места. Ездил на реку.

Будто шампанское открыли — бушующая пена. Издали видел бегемотов.

Селения убогие, но люди улыбочивые. Смотрел, смотрел — и глаза ушли в себя. Он, русский человек, выросший в украинском селе, обученный наукам и военному ремеслу в Петербурге, — под небом Африки.

У Бога — Промысел. Но что Александру Булатовичу, корнету, должно сделать для России, для Африки? Что ему по силам, умеющему скакать на лошадях и даже на верблюдах?

Вернулся в город.

Беседовал со священником. Оказывается, многие эфиопы знают Псалтырь наизусть, а покойный негус Иоанн изумлял священство, читая наизусть Библию. Вот тебе и дикари.

Священник подарил русскому картину величиной с книгу. Нарисовано на коже. На картине царь Соломон и царица Савская. Изображения плоские, манера художника простонародная, но мастерская. Истинной древностью веет.

Церковная служанка выставляла на солнце барабаны и бубны.

— Выставка? — спросил Булатович.

Священник удивился вопросу.

— Нет-нет! Через три дня праздник, барабаны должны быть сухими.

На базаре Александр Ксаверьевич купил ещё одну картину. Мудрую и опять-таки прелестно наивную. Эфиоп держит иглу, а сквозь ушко иглы протискивается верблюд.

Обедал Александр Ксаверьевич в тот день у Бантье. Обед был с мясом, а мясо подали сырое, парное, живое. От куска каждый отрезал сам. Отрезал. Посмотрел, как управляют с таким яством другие, — попробовал. Вкусно!

Уже после обеда увидел какие-то ягоды:

— Что это?

— Кусо.

— Съедобные?

— Мы едим их раз в два месяца, — объяснили русскому.

Узнал чудовищное. От парного мяса эфиопы отказаться не в силах, но мясо заражено солитером. Солитеру дают развиваться и выгоняют ягодами кусо.

Не испугался. Все вокруг живые, все — воины, неужто придётся в свой срок отведать ягодок? Попробовал — горько!

ЧУДО

Когда отряд Красного Креста торжественно вошёл в Харар, корнет Булатович уже знал точную причину распоряжения негуса Менелика задержать русских и не пустить в Энтото. Негусу нашептали, будто гости с севера имеют корыстные, недобрые цели. Предлог задержки был вполне благовидный: впереди сезон дождей, дорога станет опасной.

Генерал Шведов сам пришёл в хижину Булатовича.

— Александр Ксаверьевич! Вы — наша надежда на справедливую и лучшую участь. Езжайте к негусу, сообщите ему: в отряде врачи и фельдшеры. Среди нас нет купцов, мы не везём товары для продажи и деньги на покупки. Весь наш груз: бинты, лекарства и желание врачей исполнить свой долг — лечить страждущих.

— Откладывать мой отъезд рискованно, — сказал Булатович. — Могут и меня задержать. А пока такого приказа нет, я отправляюсь в Энтото... Через два часа.

Генерал обнял корнета.

— Верно! Действовать надо быстро. Но ведь нужны провожатые, нужно снаряжение?

— До Энтото семьсот верст, — Булатович разложил перед генералом карту. — Провожатый у меня есть. Их даже двое. Дайте мне пятерых казаков, здоровых мулов и продовольствие.

Не углядели стражи Бантье за проворным корнетом. Был и нет.

Александр Ксаверьевич сам над собой посмеивался: снова торопил, подгонял. С кем состязался? С пространством? С Африкой?

Африка выстлала перед отрядом Данакильскую пустыню. Жара за сорок ночью оборачивалась зябкой прохладой. Термометр показывал пятнадцать градусов, но огня не зажигали, боялись разбойников.

Разбойники напали под утро. Забрали всё: мулов, оружие, одежду. Нападение и грабёж были совершены изумительно быстро. Уже через пять минут казаки смотрели друг на друга и на меха с водой, воду им оставили: живите.

— Данакиль! — сказали проводники.

— Данакиль, — согласился Булатович, сочувствуя казакам: у них сапоги забрали. Ему, начальнику, оставили.

На земле валялась карта. Поднял:

— Мы здесь. До Энтото вёрст, пожалуй, двести. Надо идти, — пошёл.

И все пошли. Грянуло солнце. Но впереди — деревья. В тень, без сил.

Булатович понимал: нужна воля, чтоб пропащее настроение было подавлено.

Сказал:

— Энтото построено на возвышенности, значит, чрезмерной жары не будет.

Сел, смотрел на голые ноги казаков.

— Надо соорудить какую-то обувь.

— Обойдётся, ваше благородие! — откликнулся казак Зенкухин. — Эфиопы босиком ходят. Мы, чай, тоже с детства к босой жизни привычные.

Александр Ксаверьевич достал крест из-под рубахи. Нижние рубахи разбойники ему и казакам оставили. Повесил крест на ветку. Поклонился. Пропел «Отче наш».

Проводники-эфиопы смотрели на русского офицера с любопытством. Пропели свои молитвы.

— Пошли, ребята! — скомандовал корнет.

Пошли и замерли. Эфиопы устались на молодого русского начальника со страхом и почтением. Вымолил чудо у Господа!

По красной пустыне, вырастая, шел караван.

Александр Ксаверьевич прикрыл глаза ладонью. Голос у него дрогнул:

— Ребята! А ведь это русский!

И побледнел. Уж не мираж ли? Потянул в себя воздух для горестного вздоха, но в воздухе запах лошадей и незнакомый, вполне замечательный.

— Русский! Русский! — закричал солдат Заленукин.

ПОСЛЫ

Седло под всадником в чёрном бурнусе с золотым шитьём на груди сверкало драгоценными камнями, узда на великолепной Муле — в алмазах. Если это не царь, то кто же? Но уж очень русский.

Босые казаки построились. Их командир голову держал подобающе.

— Корнет лейб-гвардии гусарского полка Булатович! — рука сама собой вскинулась к безобразной чалме.

Человек на муле двумя пальцами коснулся полей серой шляпы:

– Поручик в отставке, дэджазмач⁵, граф Абая Леонтьев.

Спешился. Шагнул и Булатович, протянул руку.

– Николай Степанович.

– Александр Ксаверьевич. Еду послом генерала Шведова к негусу... Впрочем, идём. Ограблены нынешней ночью.

– Агафары! – сказал Леонтьев.

– Нет. Данакиль! – поправил Булатович.

– Себя они зовут агафарами. Данакиль – по-арабски, по-амхарски – адало.

Булатович сокрушенно поднял и опустил плечи:

– Ночь, тьма! И вдруг с четырёх сторон двадцать четыре ружья.

– Двадцать четыре?! – удивился Леонтьев.

– Это автоматически! – смутился корнет. – Свойство памяти. Чем это пахнет?

– Местная драгоценность. Выделение желез цвигетовой кошки. Побалуя француженок и наших дам, разумеется.

По знаку Леонтьева его люди уже ставили несколько палаток: белую с двойной крышей и чёрные.

Пока готовилась ниша, поручик дэджазмач обул-одел казаков. Сапог нашлось две пары, остальным – сандалии, а вот гимнастёрки хватило на всех. У Леонтьева было четверо русских: гвардеец артиллерии Василий Коркунов, урядник Константин Авдеев, лейб-гвардии Семеновского полка унтер-офицер Фёдор Петров и ротный фельдшер Семен Бузов. Все четверо и капитан Звягин с Леонтьевым – участники битвы при Аду – были при пушках.

Обедали по-суворовски – вместе с солдатами, с эфиопами, а вот о посольстве Булатовича говорили с глазу на глаз. Леонтьев был откровенен.

– Негус Менелик – человек изумительно простой, но даже малая неправда превращает его в африканского крокодила. Схитрив, потеряешь не только расположение, но, не дай бог, и голову. Интриги против русских плетут иноземцы. Их мудрёность – я это на себе испытал – многослойная, изощрённая. Однако наша правда-матка сильнее иезуитства. Менелик – человек верующий.

Николай Степанович написал рекомендательные письма к французам – придворным Менелика. Сказал уверенно:

– Свою выгоду они блудут, но помогут. Белых людей в Африке немного.

И тут случилась какая-то удивительная пауза. Дела сделаны. Спасение состоялось. Пути должны разойтись. Может быть, второй встречи не будет никогда.

Николай Степанович вдруг сказал:

– Видел... Мне показалось, ему трудно. Он правдой живёт...

Александр Ксаверьевич посмотрел в глаза Леонтьеву: – Это во мне совсем не мальчишество! После встречи с государем... После первой встречи... Никаких клятв, разумеется, я не давал. Но теперь даже в малом не лгу. Говорил с государем я всего два раза. По минуте, может быть.

Леонтьев улыбнулся:

– Вот что такое судьба. Вы знаете, я уверен, Менелик вам поверит... Это действительно судьба: мы с вами встретились в Африке. Я, между прочим, счастья и в Индии пытал... В Африке получилось. Херсонский помещик, отставной поручик – всё в прошлом, жизнь в прошлом – и, пожалуйста: граф Абая, полный генерал победоносной армии Абиссинии.

– Вас послал нам Господь... Спасены. До Энтото не менее двухсот вёрст. За неделю дойдём.

– Я дам вам мулов. Вы посол. Но и я посол! – улыбнулся. – Пожалуй, даже трижды посол. В Истамбуле мне поручено сообщить султану об изъятии абиссинского иерусалимского монастыря от подчинения коптскому армянскому патриарху... В Италии я должен говорить с правительством о мире и передать именно в Риме пятьдесят именных офицеров.

Было видно, в каком восторге херсонский помещик Леонтьев от предстоящих деяний. Мировая политика, ход истории зависят от его дарованный, от его ума, от его счастья.

– В ночь перед отъездом ко мне тайно пришли итальянские офицеры, принесли письмо на родину, а я каждому из них подарил крестик. Абиссинцы не верят, что итальянцы – христиане. Те, что со мной, – пятьдесят человек – тоже были отобраны тайно. Каждый из этих счастливых думал, что взят на казнь. Теперь все они как дети. Жизни не нарадуются, хотя кругом дикие го-

ры, пустыня. Ну и, наконец, я посол Абиссинии к императору России.

Николай Степанович приказал привести к палатке самый большой подарок негуса Николаю II – слона. Слон был огромный, с бивнями. Участник битвы при Адуа. Слон-победитель.

Леонтьев показал и другие подарки: изумительной красоты лошадь, саблю в золоте, сбрую, четыре шкуры пантеры, две львиные шкуры. От царицы Таиту Леонтьев вёз два огромных рога с мёдом Абиссинии.

Расставаясь, Николай Степанович обнял корнета, шепнул:

– Знаете, Булатович, что очень нужно теперь здесь, в Абиссинии? Вы же видите, я счастливец. И вы изумите своим счастьем всю лейб-гвардию. Государи всегда нуждаются в счастье, счастливые люди им дороги. Сколь мы будем счастливы с вами, столько и будет дружбы между Россией и Абиссинией. Не правда ли, звучит удивительно: Ро-сси-ия. Аби-сси-ния! Менелик – Николай! Граф Леонтьев – рас Мэконнын. Корнет Булатович – рас Вольде Георгис.

– Кто это – рас Вольде Георгис?

– Генерал-губернатор южных земель Абиссинии, примыкающих к Каффе. Красивый, умный человек. Очень хочу, чтобы вы стали ему другом. Между прочим, когда собирали совет высших чинов Абиссинии, Менелик приказывал ставить для меня венский стул. При негусе все ведь стоят.

Когда прощались, Александр Ксаверьевич сказал эфиопскому графу:

– Вы говорили о счастье... Утром я был нищим и передо мной – пустыня, но Бог послал вас, и я на коне.

– Ангела в дорогу! – Леонтьев поднял руку. Он был сама щедрость. Провидение послало его спасти русское посольство к негусу, слава к славе.

НЕГУС МЕНЕЛИК И ЕГО ДВОРЕЦ

Русское неистовство! Александр Ксаверьевич снова мчался за рекордом. В столицу Менелика его отряд прибыл на восьмые сутки. Время в пути от Харара до Энтото не бывалое даже для гонцов негусэ нэгеста⁶. Да ещё приключение! Ограбленный агафарами отряд несколько часов шёл пешком.

Рекомендательные письма графа Леонтьева – как золотой ключик: радушие, участие, европейски обставленная квартира с выходом в сад.

Стриженная лужайка, деревья в цвету. Цветы великолепные – голубые.

Александр Ксаверьевич успел поглядеть на себя в трюмо: в глазах – правда. Умылся, побрился. И – чиновник из дворца. Приём русскому офицеру назначен на утро: милость совершенно замечательная! Могли бы этикета ради неделю томить.

Радость расслабила, попросил Заленукина разбудить в шесть утра, лёг и заснул.

Всю ночь ходил по голубым цветам, по вершинам деревьев. Встал сам вместе с солнцем.

Африка, дворец туземцев, но приём величием истинно императорский.

Лица вождей и героев – полные достоинства. Все высокого роста, у всех прямые спины, ни единой подобострастно склонённой головы. Высокие лбы, золотая кожа, в чертах лиц – совершенство. Чёрных нет. Разве что сам Менелик. У негуса лицо тёмное, вокруг рта острые прорези морщин. Глаза смотрят в завтра, но видят каждого, кто перед тронем.

Менелик был в серой фетровой шляпе. Голова повязана белоснежным платком, шамма⁷ белоснежная, поверх – черный сатиновый бурнус. И – босиком!

Справа и слева от трона стояли расы – главы губерний. На ступенях перед тронем лежал особо приближенный вельможа. Рас, стоящий справа, обмахивал негуса веером.

– Говори! – государь Абиссинии смотрел на Булатовича.

Из толпы у трона выдвинулся молодой эфиоп, сказал по-французски:

– Вам дозволено говорить!

Александр Ксаверьевич похолодел и услышал свой голос:

– Мой государь император великой России Николай II, зная о страшной и победоносной для Абиссинии битве, прислал тебе, великому царю Абиссинии, своих врачей и фельдшеров. Врачи присланы для того, чтобы облегчить страдания раненых, излечить от болезней болящих. Другой цели или какого-то иного наказания не имеем. Чем скорее отряд Красного Креста будет в Энтото, тем скорее прекратятся стоны страдаю-

щих от ран подданных твоих, великий государь, — Булатович поклонился Менелику.

Менелик на кого-то глянул, и тотчас появился венский стул.

— Нгусэ нэгеста приглашает вас занять место возле трона! — сказал переводчик по-французски и смутился.

Менелик засмеялся, придворные развеселились: русский сказал свою речь на хорошем амхарском языке.

Булатович сел на стул, их теперь было двое сидящих в этой зале: царь царей Абиссинии и корнет лейб-гвардии гусарского полка.

Менелик вглядывался в удивительно чистое лицо русского офицера с удовольствием.

Александр Ксаверьевич, обнаружив на себе взгляд великого человека, не дрогнул. Во взгляде отеческое, ласковое, но снова почудилось: глаза негуса хоть и видят тебя, но смотрят словно бы уже в завтрашний день, видят тебя нужным в этом завтра. И ещё было что-то во взгляде... Африканское, звериное, скорее всего, царское — поиск затаённого...

Стало не по себе. Однако ж Менелик улыбнулся. Улыбка царя царей была такая же простая, как его босые ноги.

И тут Александр Ксаверьевич сделал открытие: у негуса очень крупные ступни и руки — доревенские.

Менелик уловил взгляд русского, посмотрел на свои руки, остался доволен их силой и снова улыбнулся.

— Ты быстро скачешь, — сказал Менелик корнету, — и на верблюде, и на муле.

—О! О! О! — Булатович закрыл глаза и показал, как это — скакать на верблюде, когда нутро поднимается к горлу.

Менелик засмеялся. Засмеялись придворные.

— Разбойники тебя ограбили? Беда с адали⁸!

— Нас окружили, — Булатович сложил руки в кольцо. — Двадцать четыре ружья — в упор. Но мы не имели права погибнуть. Нам надо было видеть глаза негуса Менелика — твои глаза, государь, — чтобы рассказать об отряде.

— Мудро! — согласился царь царей и тотчас распорядился отправить в Харар гонца. Менелика уже охватило нетерпение видеть русских в Энтото.

— Благодарю тебя, великий государь! — искрен-

не восхитился Булатович. — Ты потому и царь царей, что такой быстрый в добрых решениях.

— Я быстрый! — развеселился Менелик.

Царский завтрак прошёл для Александра Ксаверьевича как во сне. Благожелательность Менелика, такой скорый успех поразили, притупили волю. Негуса закрыли занавеской, гостю подали ынджеру — блин. Камергер Абато принёс в персти какую-то еду, положил на ынджеру. Всё это было высшей почестью. Едой с гостем поделился Мекуас Абато — тоже награда. Он великий охотник на слонов, в битве с итальянцами в одеяниях Менелика ездил под его красным зонтом.

Подали брындо — сырое парное мясо, подали тэдж. Вкус медовухи на этот раз был похож на портвейн.

Отзавтракали за полдень. Друзья Леонтьева французы показали Булатовичу окрестности столицы.

Резиденция Менелика да и сам город называли Аддис-Абеба. В переводе — «новый цветок». Дворец — прихоть царицы Таиту. Она-то и дала ему имя. Высота, на которой построили резиденцию царя царей Абиссинии, — за 2400 метров, климат благодатный. Дворец, иначе — эльфин, двухэтажный, обнесён верандой. Крыша из красной черепицы, стены вокруг эльфина пятнадцатиметровые, выбеленные. Крыша окружена сверкающим цинковым бордюром, все окна, двери, балконы выкрашены ярко, броско. Цвета самые разные: голубой, жёлтый, красный, зелёный. Часовая башня — называется саганейт, столовая — адераш.

Французы повезли Булатовича сначала на источники. От эльфина в десяти минутах.

— А чей это дом напротив дворца? — спросил Александр Ксаверьевич.

— Абуны — главы церкви.

Церковь стояла рядом.

Дворец начали строить в 1885 году. В 1889-м Менелик перенёс столицу из Анкобэра, главного города Шоа — родового княжества Менелика, в Аддис-Абебу. Это была мысль счастливая. От Бога. В 1892 году Анкобэр и соседний город Энтото — этим именем пока что называли Аддис-Абебу, — вымерли от голода и холеры.

Французы показали гостю горные хребты вокруг столицы. На севере это Диледила, на востоке — Жека, на северо-западе — вершина Манагаша,

на западе — остатки старой Энтото, на юге гора Зекоала, где на вершине — озеро⁹.

— Вокруг Манагаши великолепные леса, — сообщили Александру Ксаверьевичу. — Там газели, цесарки. Охота замечательная.

— Мои дни ещё ничем не заняты! — воскликнул корнет.

Тотчас было решено: устраиваем охоту.

Праздник продолжился вечером, французы устроили ужин.

В гостиной, где был сервирован стол, на стене в раме висела большая фотография Менелика.

— Замечательная работа! — оценил Александр Ксаверьевич.

— Фотография Вандергейма. Он очень хорошо запечатлел принцессу Заудиту, дочь Менелика, и саму Таиту.

— А как воспринял фотографию негус?

— Менелик не учился, не был в Европе, но он стремится ко всему новому. Всё, что есть в наших странах технического, он хотел бы иметь в Абиссинии. Вы только подумайте! Негус мечтает о паровозе!

— Вы об этой фотографии расскажите! — сказала мужчинам хозяйка дома.

— С этой фотографией произошла обычная средневековая история! Священники явились к Менелику с протестом, но он кричал на них: «Идиоты! Никто, как Бог, создал те предметы, благодаря которым явилась на свет эта работа. Фотография! Никому не повторяйте своих глупостей, иначе прикажу дать вам палок!»

— Простите! — Александр Ксаверьевич поклонился дамам. — Возможно, я не разглядел хорошенько... Мне показалось, я видел на улице труп. Пожалуй, два трупа...

Ответ был беззаботный:

— Это нищие. Нищих не хоронят... Некому. Они же ничьи.

— И что же? — изумился Александр Ксаверьевич.

— Гиены. Гиены — замечательные чистильщики африканских городов.

АФРИКАНСКАЯ ЖИЗНЬ

Охота получилась нелепая. Увидели цесарок, но француз поторопился — выстрелил с

большого расстояния пулей. Промаяхнул — птицы ушли в густой колючий кустарник.

По стаду газелей стреляли уже трое французов. Но после неудачи с цесарками ружья зарядили патронами с мелкой дробью. Антилопу дробью не завалишь. Скорее всего, выстрелы целей не поразили.

Втянулись в странный, росший кущами лес. С дерева на Булатовича ощерилась обезьяна.

Геройство разыграло, хотел показать французам, как стреляют русские. Скинул ружьё, пальнул. Обезьяна, ломая ветки, грохнулась на землю.

Выстрел смертельный, но кому надобен такой трофей? Разве что на чучело?..

Охотники замешкались, и тут с соседних деревьев на землю спустились две таких же больших обезьяны. Скалясь на Булатовича, подхватили убитую, унесли в глубину леса. В этом было столько человеческого! В скалах такая ненависть! Обезьяны оказались мстительными, вернулись, стали бросать камни в охотников. Людям захотелось домой.

В городе Александра Ксаверьевича потянуло в церковь.

Подошёл к одной — закрыто.

Примечал: люди и не знают, как заходить в храм, — целуют двери.

Отправился в главную церковь, возле дома абуны. Главная церковь тоже была закрыта, но тут появились священник, диакон, певцы, прихожане. Все вошли в церковь. Александра Ксаверьевича не удивили скамьи: эфиопская церковь, восточная. Удивили костыли под скамейками.

Неужто здесь происходит столько чудес? Хромые оставляют костыли и покидают храм здоровыми?

Иконы яркие. Богородица ликом эфиопка. Впрочем, все женщины, каких видел в пути и в Аддис-Абебе, — красавицы.

На одной из икон старец правой ногой попирает дьявола, а левой у него не было. Вместо ноги культя, под которую подставлена палка. Эту палку старец держал шуйцей, а десницей отстранял опять-таки дьявола. Одежда старца тоже была необычная. Вокруг шеи и по груди — накидка с крестами, на чреслах — юбочка. Тело голое. Пупочек обозначен.

Началась служба. И стало понятно: происхо-

дит венчание. Опять-таки необычное. Жениху было под пятьдесят, невесте не менее тридцати. Да вот и дети. Впрочем, дети ли? Красавица лет, пожалуй, двадцати. С ней трое малышей. Юноше никак не меньше семнадцати.

После венчания священник побеседовал с русским. Все странности разрешились. Венчались муж и жена, прожившие в браке тридцать лет. Женщине-невесте было тридцать семь. Замужем с семи.

Брак в Эфиопии – дело строгое, перед Богом ответ держать страшно, а распадаются гражданские союзы легко. Император Менелик у царицы Таиту пятый муж.

Помолиться не удалось, но Александр Ксавьеревич купил деревянный крест величиной с книгу и проволочное ожерелье с пятью эфиопскими крестами.

На деревянном кресте диавола попирали, с одной стороны, Богоматерь с Богомладенцем. На другой стороне креста – великий святой Эфиопии Такла Хайманот.

Серебряные кресты все были узорчатые и очень разные, каждый имел какой-то смысл. Всё надо узнавать.

Уже на третий день пребывания в Аддис-Аббе Булатовичу рассказали: у Менелика во дворце хранится вся его огневая мощь – сорок орудий Гочкиса, современные скорострельные пушки. Расы не имеют права иметь более двух пушек. Правда, у Мэконнына, у любимца Менелика, двенадцать орудий. Но Харар – княжество, имеющее несколько внешних границ.

Форма в войсках Менелика положена одним только артиллеристам. У них зелёные штаны, красные туники с зелёной отделкой.

Выяснилось преудивительное! Менелик хранит в эльфине динамит. Динамит – его любовь. Рыбу Менелик ловит теперь, взрывая шашки.

Менелик, принимая короля Годжама, взорвал скалу на реке. Скала теснила воду – и вдруг свободное течение на просторе.

Менелик был в восторге от своего могущества.

Наблюдал Булатович, корнет Главной квартиры, и приношение дани царю царей. Один из расов привез слоновую кость. Сложил перед Менеликом двадцать четыре бивня.

Сообщил: отряд Красного Креста из Харара вышел восьмого июня, но уже двадцатого рус-

ские встретили раса Мэконнына. В тот же день появился и Леонтьев.

Мэконнын просил генерала Шведова оставить для Харара врачей и часть госпиталя.

Отряду пришлось делиться. В Харар отправились два врача, два студента, два фельдшера и три санитары.

Только двенадцатого июля Булатович встретил генерала Шведова и его отряд в окрестностях Аддис-Абебы.

Госпиталь поместили в доме на сваях. Врачей было пятеро – Глинский, Бровцын, Бобин, Коховский, Быковский, трое фельдшеров – Кузнецов, Рожновский, Павлов. Первыми пациентами стали раненные леопардами.

Потянулись страдальцы, пораженные трахомой¹⁰.

Менелика поразило искусство русских докторов. Несколько человек после операций, после лечения обрели утраченное зрение. Один старик говорил русскому врачу: «Моя семья будет вечно благодарить тебя. Я ослеп и не видел моих внуков. Но теперь я знаю их лица, я вижу тебя!»

У Булатовича были свои заботы: он изучал жизнь.

Хотелось побольше узнать о царице Таиту. Ей сорок три года. Жизнь у неё получилась бурная. В тринадцать лет вышла замуж за дэджамача Уель-Габриеля. Это был придворный царя Теодора. Мужа арестовали. Таиту взял себе царь. После его смерти стала женой дэджамача Тэкле Гийоргиса, но влюбилась в раса, развелась. Имени этого раса Булатович не узнал. Негус Иоанн возжелал Таиту, раса заковал в цепи, но она спаслась от царских ласк в монастыре. Через три года монастырскую жизнь оставила, вышла замуж за дэджамача Зекаргачо, но в тридцать лет стала женой Менелика.

У Таиту была своя гвардия. Три тысячи пехоты и шестьсот конников. Во время битвы при Адуа её батарея первой открыла огонь по войскам генерала Альбертоне. Причем позицию для батареи Таиту выбрала сама, сама командовала огнём пушек.

Булатовича поразили потери итальянцев. Европейски обученная армия потеряла убитыми одиннадцать тысяч солдат, триста восемьдесят три офицера, двух генералов. Эфиопы взяли в плен сорок двух офицеров и семерых докторов.

Три тысячи шестьсот солдат. В Италию из Абиссинии вернулись всего две с половиной тысячи, из них пятьдесят шесть офицеров. Армия Менелика потеряла четыре тысячи воинов убитыми, ранено было шесть тысяч.

Составил Александр Ксаверьевич табель о рангах Абиссинии.

Рас – генерал-губернатор, под его властью одна из провинций государства. Ликэ мекуас – высший придворный чин. Дэджазмач – старший генерал. Турк баша – начальник стрелков. Уобо – начальник арьергарда. Гыразмач – командир левого крыла. Фитаурари – командир авангарда. Весьма говорящий чин! В переводе – «вперёд грабить»! Кэньязмач – командир правого крыла. Баламбарас – полковник, командующий крепости. Шака – тысячник. Пашатуалака – сотник. Меслени – младший офицер.

Записывал Александр Ксаверьевич и бытовые сведения.

Крестьяне не отнимали телёнка от коровы целый год. Видимо, поэтому коровы дают очень мало молока.

Поразило: нищие просили подать не деньги, но патрон! Много чего было изумительного. За убийство сына мать выкалывала убийце глаза. Блудницу-жену муж может убить, а может и помиловать, но никто женщину не преследует и не порицает. Сблудившего мужа презирают, клеймят именем «сорок раз вор».

Отправляясь из Харара послом генерала Шведова, Булатович оставил чемодан. У него сохранился белый мундир и нижнее бельё, топографические инструменты.

Занялся съёмкой окрестностей Аддис-Абебы. На севере нанес на карту хребет Сангоги, обозначил вершины гор Тулу, Элфек, определил высоту Жимжим – 2050 метров. На восток от Аддис-Абебы указал высоту горы Эер – 2536 м. Нанес на карту реку Ватира с притоками. Реку Калату. Недалеко от города Чобо-Боду определил высоту горы Денди – 2979 метров.

Менелику карта очень понравилась, тем более когда узнал, что место горных вершин определено по законам неба, небесная карта безошибочнее земной.

Александр Ксаверьевич вникал и в церковную жизнь. Многие обряды поражали библейской древностью.

В родовом княжестве Менелика Шоа священство знало двадцать восемь литургий. Половину из них служили: «Литургию Отцов Первого Вселенского Собора», «Патриарха Диоснора», «Спасителя», «Божией Матери», «Архангела Михаила», «Литургию бесплотных сил».

Поразило Александра Ксаверьевича «Вифлеемское таинство». За день до праздника священники и знакомые собираются в бетлехеме. На низком столе уже приготовлена пшеница, две меры и ветвь виноградных гроздей. Аскет, постоянно живущий в бетлехеме (его называют «назорет») подносит старшему из священников поочередно пшеницу и виноград для благословения. Все читают молитвы, назорет медленно сыплет зерно в горячую воду. С каждого зёрнышка снимает кожуру. Для таинства годятся зёрна только полные. Очищенную пшеницу аскет моет в трёх водах, отирает полотенцем, сушит на огне и, наконец, толчёт в жернове. Муку помещают в горшок, туда же – воду, закваску. Назорет месит тесто, изготавливает хлебы и печёт. Каждый хлеб благословляет священник.

Священники и диаконы отбирают самые лучшие ягоды для вина. Ягоды омывают, жмут. Сок трижды процеживают через льняные платки.

Когда таинство «мистира» закончено, вещество для Святых Даров изготовлено, звонят в колокол.

МАКЕДА

Дышишь воздухом Абиссинии, ешь ту же пищу, чем насыщаются здешние жители, но суть жизни иной земли, иной расы остается непостижимой. В тебе всё русское.

Стремясь хоть сколько-то приблизиться к африканской инакости, Александр Ксаверьевич купил подставку под голову – подушку эфиопов. Осанка здесь у всех царственная. Голове на деревянной, шелковой на ощупь дощечке – удобно, а вот уснуть удалось не сразу. Когда всё-таки получилось, стал ждать в себе перемен. Впрочем, перемена сама его высмотрела.

Ни командиров, ни приказов, но военному человеку пристало заниматься военным ремеслом, а главное – служить. Взятая за топографическую съёмку окрестностей горы Мангаши.

Может быть, у французов, итальянцев, англи-

чан карты Абиссинии в штабах имеются, но в Петербурге не карты, а контуры. Помечены некоторые вершины, самые большие реки, текущие в никуда, нанесены границы провинций, большие города, но все очертания, все расстояния — приблизительные.

Вокруг Мангаши — лес, природа во всей своей изумительной дикости. Без ружья и дня не проживешь: гиены, леопарды, но ведь и газели, и цесарки.

В двух верстах от города дорога шла вдоль ручья, где можно было напоить мула. На другом берегу стоял большой дом, а людей — юная женщина. Всякий раз, когда он проезжал мимо, к горе и обратно к городу, она сидела на низкой скамейке и скорее всего что-то рисовала. Завидев всадника, женщина оставляла дело и, подняв точёную головку на высокой шее, рассматривала белого человека, да так, что Александр Ксавьеревич сам себе казался пейзажем или чрезмерно причудливым облаком.

Лицо юной дамы золотое, плечи, шея, голова — совершенство, а личико искреннее, без женского лукавства. Соня Васильчикова всплывала в памяти. А местную красавицу, пожалуй, даже пожалел: не знает цены себе.

Разглядывание столь откровенное — дикарство, но какое-то обаятельное.

На третий, должно быть, день, исполнив топографический урок, Булатович настроил две дюжины цесарок. Ему столько не надобно, да куда от себя денешься? Удачей охотничьей захотелось шегольнуть перед красавицей.

Красавица словно бы и не покидала скамейки. Он переехал ручей. Спешился. Поклонился.

— Эндьет уалх! — по-эфиопски «здравствуйте».

Положил к босым золотым ногам дюжину сияющих оперением птиц.

— Я приготовила тебе обед, — сказала уж совсем неожиданная женщина. — Войди в мой дом. Я — вдова.

Женщина отвела мула в тень. К свежескошенной копейке травы.

Александр Ксавьеревич уже привык, что дома в Абиссинии круглые. В комнате для гостей — низкий круглый стол, на столе — обед.

— Ты ждала гостей? — спросил Александр Ксавьеревич.

— Я ждала тебя.

Засмеялся по-детски радостно, искренне.

— А ведь я тоже приготовил угощение! — пошел к мулу, достал из перемётной сумки плитку шоколада и ликёр в сосуде в виде вазочки.

На стенах — шесть шкур леопардов, у стен — бивни слонов. Один бивень громадный.

— Господи! — вырвалось у Александра Ксавьеревича.

Женщина просияла.

— Это принёс в дом муж. Он остался в Аду.

Ей нравилось, как русский ест, как смотрит на неё.

Она назвалась Македой, но он не согласился.

— Ты — Африка!

— Македа — имя царицы Савской, которую царь Соломон одарил сыном!

— Ах, вон что! — удивился корнет. — Я в гостях у царицы Савской. Согласен, но ты к тому же пучина жизни африканских джунглей. Ты — львица саванны и бесконечность пустыни. Но когда я, вернувшись в Россию, услышу слово Африка, то увижу тебя.

Она сняла со стены бубен, ударяя пальцами по краю, запела. Голос был высокий, красивый.

— О чём песня? — спросил Александр Ксавьеревич.

— О том, что этот день — наш. Время течёт, как река. Всякий миг вода в реке иная. Но этот день наш.

Македа накормила гостя, уложила отдыхать и легла рядом.

— Невероятно! — усмехнулся сумасшедшей мысли гусар. — Сплю с царицей Савской. Ведь так оно и есть! Белая бескрайняя Россия и золотой вулкан неведомой Африки!

Остаться в доме Македы было заманчиво, но в Аддис-Абебе надо показаться, иначе будут искать.

ЦЕНА ОХОТНИКА

Уже на другой день корнет переселился в круглый дом Македы. Утро и прохлада упущены, к Мангаши не поехал, но был вознаграждён необычайным искусством.

Македа рисовала самые настоящие картины. На пергаменте! Палитра — оранжевая, белая, черная. Похоже на греческие вазы времен Фермопил.

Пергамент с лист альбома. В верхней части картины — царица, царь и человек в белых одеждах, на плече — посох, правой рукой с изяществом держит бокал. Одет богато, но босой.

Нижнюю часть картины занимают музыканты. Два барабана и два однострунных инструмента.

— Это масанко? — спросил Александр Ксавьеревич.

— Масенко.

— Послушай! А царь, я смотрю, ногу пронзил человеку с бокалом! Ты даже кровь нарисовала.

— Это певец Яред и негус. Негус не видит, что его острый посох ранил Яреду, а Яред, когда пел свои песни, забывал о мире. Он поёт и не чувствует боли.

Александр взял другую картину. Две женщины. Одна возлежит с мужчиной.

— Эта женщина, — показала Македа, — царица Савская. Это — царь Соломон и служанка царицы. Македа решила родить от Соломона сына, но сначала отдала ему свою служанку, чтобы знать любовные тайны премудрого царя.

Булатовича поразили картины.

— Так всё примитивно, но волшебю.

На обрывке пергамента с ладонь — флейтист. Чёрные короткие волосы. Кудрявые. А всего — мазок. Борода тонко очерчивает лицо. Флейта почти до земли, пальцы музыканта растопырены. Мизинец закрывает самое последнее отверстие. Глаза скошены. Скорее всего, душа щемит, звук, видимо, высокий, бередающий.

Музыкант в белой шамме с красной полоской. Он сидит, ноги босые.

— Скупю, но выразительно. Он у тебя живой. Он у тебя играет. Его можно услышать.

Македа улыбалась, а занята была женской работой. Раскатывала тесто для ынджеры.

— Ты в трудах, а что же я? — осенило Александра. — Мужчина должен быть добытчиком.

Взял ружьё и отправился к Мангаши, в лес. Решил подстрелить дрофу.

В лес не стал углубляться, шёл краем. Дрофа — птица степная.

Жара стояла жестокая, а он ушёл из дома чересчур картинно. Даже воды не взял.

Тянуло к деревьям в тень. Деревья огромные. Они словно вышли из леса, из тесноты на простор.

Он уже не думал о дрофах. Голова покруживалась, и — вот она, тень, градусов десять долой. Можно дух перевести. А дух-то как раз и застрял в горле. Тень отпечатаала на земле силуэт огромной кошки. Кошка на стволе. Возможно, спит. Но скорее всего сон с неё слетел, когда вот она, добыча. В ружье патрон на дрофу. Ну, кто кого...

Достал патрон с картечью. Отворил затвор, поменял патрон.

Это была немислимая схватка. Зверь отделился от ствола дерева, а он выстрелил, не поднимая головы, не видя цели.

Грохот, звон в ушах — и через мгновение — глухой удар о землю. Зверь лежал у ног. Великолепный леопард.

Руки, действуя сами по себе, снова зарядили ружье. Поднял голову. Нет ли еще зверя? Отступил, пошёл прочь, оглянулся — никакого движения.

О такой охоте и рассказать трудно. Подвиг Мюнхгаузена. Пальнул вверх и попал. И ахнул! А как было не попасть? Зверь сиганул, целясь перекусить горло жертве.

Македа подняла глаза. В глазах тревога. Охотник вернулся без дичи.

— Я убил леопарда.

Македа взяла нож и ушла.

Она слышала выстрел. Она знала, на деревьях леопарды прячут добычу и спят.

Вернулась со шкурой, сказала:

— Леопард равен трём мужчинам.

Оказалось, цена охотника по его добыче. Слон равен десяти воинам, буйвол — одному, лев — пяти, убийство всадника — равно только двум мужчинам, а вот пантера — семнадцати. Более всего в цене страшные змеи и воины племени луб — по сто воинов. Таков табель заслуг у галласов — соседей эфиопов.

ТОПОГРАФИЯ И ГЕОДЕЗИЯ

Булатович приехал в Аддис-Абебу передать генералу Шведову карту горы Мангаши. Отряд Красного Креста трудился уже два месяца, в октябре командировка заканчивалась.

Толпы больных не убывали. Вся Эфиопия знала о русских докторах. Каждый день — чудеса. Возвращают зрение ослепшим, ставят на ноги больных, искалеченных.

— Много раненных леопардами! — удивлялся генерал.

Булатович пожелал видеть сразившихся со страшным зверем. А в госпитале — негус Менелик. Царь царей учился у хирургов вскрывать нарывы.

Булатович был с кипрегелем, негуса привлек мудрёный инструмент. Попросил показать, что это, для чего. Посмотрел карту горы Мангаши. Обрадовался: его земля не только запечатлена, но отныне привязана к звёздам. Изъявил монаршью волю учиться геодезии.

Подумали и решили сделать съёмку дворца. Учеником негус был преудивительным. Только познав чёрную работу, допустил себя к окуляру кипрегеля. Ходил с рейкой, терпеливо выслушивал команды.

Сокровенная радость сжимала сердце Александра Ксаверьевича. Его подсобный рабочий — царь царей — стоит с рейкой, выпрямляет её, слушая окрик, идёт, куда посылают.

Обычная работа топографа, но когда работу исполняет государь, то это начало времён. Эфиопия царицы Савской выбирается из тысячелетней кожи и становится частью современного мира.

Прошло несколько дней, и с рейкой ходил уже Булатович, а Менелик подавал ему команды. Царь он и есть царь.

Менелика больше всего поразила разница между топографией и геодезией. Топография — карта прямых линий, а вот геодезия учитывала кривизну земли. Геодезия, обозначая место, находила ему незыблемую точку в небе, вечную звезду.

Карта дворца была изготовлена в октябре, когда отряд Красного Креста сворачивал работу и готовился к походу через горы, через пустыню — к морю.

В эти дни корнет Булатович подал генералу прошение об отпуске. Об отпуске не ради скорейшего возвращения в Петербург, а для обстоятельного знакомства с Абиссинией, о дозволении совершить путешествие в неизведанные, в неизученные области западной Эфиопии и в таинственную Каффу.

Генералу Булатович передал небольшой доклад о войсках Менелика, противостоявших итальянской армии. У негуса было тридцать ты-

сяч солдат, двенадцать тысяч конницы и тридцать два орудия. У царицы Таиту — три тысячи воинов, шестьсот конников, шесть пушек. У раса Мэконнына — пятнадцать тысяч пеших и четыре пушки, у раса Микаэля — шесть тысяч пехоты, десять тысяч конницы, у раса Мэнгэши — двенадцать тысяч пехоты при шести орудиях. Рас Оэле привел на поле боя десять тысяч солдат. Рас Аула — три тысячи, Машаша — шесть. Рас Сабат имел четыре тысячи, охранял артиллерию.

Генерал Шведов, прочитав записку, грустно улыбнулся.

— То-то у нас было столько работы. Почти девятью тысяч безумно храбрых героев да конницы двадцать две с половиной тысячи...

Шведов прошение корнета отправил в Петербург телеграфом. Начальник Азиатской части Главного штаба генерал-лейтенант Проценко корнета Булатовича поддержал. Знает амхарский язык, человек огромной энергии. Собранные сведения о стране, о её географии будут полезны для развития отношений между Абиссинией и Российской империей.

Россия на путешествие Булатовича согласие дала. Менелик поход к реке Баро корнету разрешил, но запретил переступать границы его, негуса, владений. Смертельно опасно.

АУДИЕНЦИЯ

Всё было не так, к чему стремился, и всё — Вотменно. Нгусэ нэгест Менелик давал прощальную аудиенцию корнету гусару Булатовичу. Завтра — в неведомое, к славе первооткрывателя нехоженых земель. Всё это, разумеется, гордыня белых. Белые не бывали на берегах реки Боро, белые не входили в её воды. Для африканцев незакрашенные пятна на картах — земля обжитая.

Аудиенция молодому русскому офицеру назначена в саганейте. В этом здании Менелик принимает героев, убивших слонов и львов; здесь он назначает великих воинов, а также родственников своих и жены, на высшие государственные должности.

Когда вводили в зал, Булатович в толпе придворных узнал Ишака Ибсу. Его титул — «запрещающий вход во внутренние покои». Он глава стражи императора.

Ещё знакомое лицо: агафари Уольдэ Габриэль — заведующий приёмами.

Поставили перед тронном. Соседей слева Булатович знал: дэджазмачи Хайле Мариам и Убье — начальники войск Аддис-Абебы, чуть дальше — секретарь негуса Алака — Габро Силасье. Сосед справа — управляющий двором царицы Таиту азадж Аба Техас.

Попробовал представить Петербург, Зимний дворец, тронную залу, знать... И погасил ненужное...

Лицо у Менелика такое же, будто и теперь рейку держит. А всё иное, всё по высшей мере. За спиной царя царей — ковёр изумительного вишнево-красного цвета, цветущие ветви, золотая вязь. Сам негус в чёрном бурнусе со сказочными цветами на груди, по плечам, по низу подола.

Голова покрыта кисеей. Кисея закрывает плечи и спину. Корона — круглая, в два этажа золотая шапка с наверху.

В зале — безмолвие. С короной на голове негус говорить не может.

Вспомнился вдруг восторженный пламень на личике княжны Софии: «Докажите!» Улыбнулся. Внутри себя — княжне. «Вот как обстоят дела с доказательствами. Царь царей, всё это сборище, весь церемониал — ради корнета, победителя скачек в Удельной. Корнет Булатович, подчинённый вашего отца, княжна, — история Эфиопии. Величают, разумеется, Россию, её императора. Но вот ведь какое дело: туземная Абиссиния, превосходящая древностью Петербург, Москву, Киев и всё, что есть на земле России, через корнета Булатовича соединяется дружеством с Белым царством, а библейская страна царицы Савской — со Скуфью».

Уольдэ Габриэль с вельможами поднялся на возвышение к трону, сняли с головы негуса корону.

На мгновение Менелика закрыли шёлковой шторой, и вот негус в своей любимой фетровой шляпе. Теперь он может говорить. И он говорит Булатовичу.

— Погляди!

Камергер Мекуас Абато, охотник на слонов, ездящий в сражениях под красным зонтом негуса, подал корнету блюдо, а на блюде — монеты. На монетах — портрет Менелика.

Булатович брал и рассматривал новые день-

ги. Посмотрел на серебро, на Менелика, опять на серебро.

Негус хохочет, довольный.

— Французы чеканили! — и серьёзный, добрый свет удивительно карих глаз. — Ты просил отпустить тебя в Каффу. Позволить это невозможно. Езжай на реку Баро, но помни: границы моего царства переходить ни в каком месте не позволяю. Причина та же и единственная: не хочу, чтобы ты погиб. Вина ляжет на меня.

Булатович поклонился негусу:

— Воля Вашего величества для меня, русского офицера, непререкаема.

— Вот тебе письма, — Менелик сам подал корнету свои послания. — Это дэджазмачу Демесье, это дэджазмачу Тасаме.

Лицо Менелика, поросшее небольшой бородой, — заботливое. В бороде — седина. Глаза светятся, но тихо, грустно.

Перетерпеть церемонию — и в путь. По чудеса — через джунгли опасностей. Идти открывать беспрестанно новое.

Если здраво. Кто он, Менелик? Чёрный царь под шляпой европейца — такое, чего белым не разгадать во веки веков. Потомок Соломона, царицы Савской. А лицо крестьянское, не по-русски смотрящие глаза. На самом-то деле это глаза вечности. Русскому человеку не дано знать древности мира. Русскому человеку дано любить.

Булатович с первой встречи принял сердцем императора чёрных христиан. Менелик это почувствовал. Природные цари любовь к себе кожей чувствуют.

Аудиенция завершается, слава богу.

Лев — победитель колена Иудова, Менелик II, негус Абиссинии, нгусэ нэгест Эфиопии, избранник Божий, говорит русскому офицеру ласково:

— Пусть хранит тебя в дороге Господь Иисус Христос. Пусть будет с тобой святой Георгис.

От царя — к Богу. Булатович вышел из дворца — и в церковь.

Горели фитили из лент, пропитанных воском. Свечей в Абиссинии не знают. Священник, почитая русского, одёрнул занавеску и разрешил взирать на престол. Престол здесь изумительной красоты — резной шкаф. В шкафу два отделения. Внизу — священные сосуды, сверху — табот, за-

меняющий антиминос. Табот — это ковчег. Доска в два фута высотой и в один фут в ширину. На таботе — письма: имя Пресвятой Троицы и святого, кому посвящён храм.

Берегут табот как зеницу ока, если вдруг объявится царапина, табот немедленно заменяют. Для бережения табот обёрнут шёлком.

Помолившись, Булатович постоял перед росписью: эфиоп держит иглу, а сквозь игольное ушко проходит верблюд.

— Вот и мне предстоит такое же! — весело подумалось.

ПЕРВАЯ СОТНЯ ВЁРСТ

В ушах всё ещё звенят трели сладкогласых эфиопок, провожают здесь удивительно, а небо — купол тишины. Впереди по небу — горы, под копыта лошади ложится зелёная, напоенная дождями земля. Сколько хватает глаз — зелено, и по зелени пятнами — стада антилоп, буйволов, птиц.

Приказал себе:

— Смотри! Ты — глаза России.

Немногок напыщенно, по-мещански, но ведь правда.

Выехал на пригорок, пропуская караван. Вот она, его армия. Семь мулов. На первом — большая палатка и все инструменты. На втором с одного боку — мешок муки, с другого — портплед с постелью, с самыми необходимыми вещами. Мул номер три. И сразу понятно: караван придётся остановить. На муле выюк с сухарями, чайник, кофейник, жестянка для воды... Сверху ящик с четырьмя сотнями патронов Гра. Ящик приторочен неумело. Набьёт спину мулу.

Булатович поднял руку.

— Стой! — сказал по-русски, но погонщики поняли, в чём дело.

Третьего мула перевьючили. Заодно и четвертого. На муле — палатка малая, два ящика с дробью. Наверху — котёл, котелки, сковорода.

Через полчаса снова пришлось остановиться. Оправляли поклажу на пятом и на седьмом мулах. На пятом — два чемодана с одеждой, с подарками, с деньгами, на седьмом — бурдюк с приварком, бурдючки и мешочки нанятых для похода слуг. Их семнадцать. Седьмой мул самый могучий. Сверху на нём — жестянка с водой и

ящик с патронами. На шестом муле — соль, спирт, бурдюк с припасами.

Отряд не велик, но от разбойников есть чем отбиться. Красный Крест уступил три ствола трехлинейных винтовок и на каждый ствол по полсотни патронов. Есть один штуцер — пятьдесят патронов, двухстволка для охоты — пятьсот патронов, шесть ружей Гра — тысяча двести патронов, револьвер — восемнадцать патронов, шашка, три абиссинские сабли, четыре копыя.

Со многими остановками, поправляя поклажу на мулах, в первый день прошли пятнадцать вёрст. На третий день были уже почти в семидесяти верстах от Аддис-Абебы.

Перешли реку Хауш, вступили во владения дэджамача Убье, мужа дочери Менелика визиро Заудиты. Визиро — своего рода титул, но это всего лишь «госпожа».

На другом берегу реки Булатовича встретил с небольшою свитой согбенный худенький старичок. Смотрел на гостя подозрительно, но слова говорил вежливые. Старичок был дядей Убье, он проводил гостя и его отряд на постой в богатый дом галласа. Хозяина не оказалось, но русского приветствовали его две жены, удивительно красивые и гостеприимные.

Путешествие — познание. Александр Ксаверьевич измерил жилище галласа шагами. В несколько приёмов, не привлекая внимания. Вышло двадцать шагов. Крыша круглая, остроконечная, подпёртая множеством столбов.

В доме три помещения. Самое большое, в которое ведут широкие двери, — убежище для скотины. В центре дома — очаг и приёмная. Третье, дальше от входной двери помещение, — спальня.

Хозяйки дома угостили белого знатного воина варёными корнями энсета и гудера и кашей. Они её называли гунфо. Александр Ксаверьевич, изумляя старца, который его сопровождал, дотошно выяснил и записал в книжечку: «Каша из зёрен дурры, её называют также машеллой. Шумбура оказалась горохом. Хлеб заменяла лепешка кита. Женщины с мужчинами не садятся».

Но обе красавицы, ухаживая за гостем, помещение не покидали. Александр Ксаверьевич узнал от них: хозяйка большого дома — первая жена, у второй — свой дом, своё хозяйство.

Смеешь, старшая рассказала: муж женился

очень молодым. У них три года не было детей, и мужу приходилось прятаться в лесу от родителей жены. Таков закон: хочешь разговаривать с тестем и с тёщей — роди ребёнка.

Благосклонность негуса была в самой прозрачности воздуха Абиссинии.

Первого ноября остановились в земле Гура. Начальник района носил титул шума. Шум Ато Зеннах и шум соседней местности Ато Балайнех приняли гусара как вельможу. Александр Ксаверьевич в Аддис-Абебе был дружен с дэд-жазачем Хайле Мариамом, старшим братом раса Мэконнына. Мэконнын — двоюродный брат Менелика, великий воин, мудрый генерал-губернатор. А вот Хайле Мариам хоть и был старшим братом раса, но знал цену себе и не берётся слов. Еще до войны с итальянцами он обидел императрицу Таиту. Удивительно! Хайли Мариам — один из двух начальников охраны Менелика, но Таиту лишила его почти всех земель. Только после войны ему вернули земли Чобо, Гура и Тикур.

Русскому гусару дали понять: как бы далеко он ни был от негуса, о нём помнят, его чтят. На отдых после перехода Булатовича пригласил Ато Зеннах. Его дом стоял на берегу реки Гудера. Место успокоительной красоты. Увы! Тишиной насладиться не пришлось. Хайле Мариам прислал Булатовичу большое дурго: повинность населения доставлять провизию и фураж путешественнику. В дурго входило: жирный баран, двести штук ынджеры (плоские тонкие лепешки), тэдж — хмельной напиток из мёда, тал — квас из сухарей, сотовый мёд, масло, яйца, соус для прислуги, несколько десятков кур.

Устроили гыбыр — пир по-эфиопски.

Оград перед домами галласы не строят. Барана зарезали возле дерева. Ато Зеннах, Ато Балайнех и Булатович, как самые почетные люди, внесли барана в дом. Слуги повесили главное угощение на столб, и Ато Зеннах расчленил барана на части.

Слуга, опоясавшись шаммой, держал над корзиной с ынджерой еще дымящуюся баранью ляжку. Каждый из гостей отрезал себе кусок мяса. Александр Ксаверьевич уже знал вкус парного мяса, знал, на что обрекают себя гурманы. От негуса до раба — все в Абиссинии поражены солитером.

Каждые два месяца любители парного мяса принимают варёные и толчёные ягоды дерева куссо, а в долинах, где жарко, — плоды кустарника энкоко.

В тетради Булатович уже записал трогательный обряд очищения, который проходят смертельно больные люди перед причастием. Соли-тер как грех. Грех — на душе, солитер — в утробе.

Перед Александром Ксаверьевичем сидел старец с удивительно сложной причёской. Волосы у него были заплетены во множество косичек. Косички дыбились и были связаны на затылке. Ато Зеннах объяснил значение причёски.

— Этот славный человек убил слона. Причёска — знак храбрости, убивший слона имеет право заплетать волосы сорок лет. — Показал на слугу, подавшего мясо. — Он убил льва. Теперь два года будет отращивать волосы и заплетать в косички. Убивший человека носит причёску один год.

Пир ободрил слуг, мулы отдохнули, дорога радовалась.

ДРЕВНЯЯ ЗЕМЛЯ

Утром по каменному мосту, высеченному в скалах природой, перешли через кипящую Улук.

Река просекла русло в сплошном камне. Ущелье было узкое, громовое. По берегам скала выше, скала ниже — росли кактусы колкуал. Было видно, как сочится из камня вода источников. В недрах гор пылало пламя, источники были горячие.

Булатовичу показали три больших подземных истока: Иисус, Мариам, Георгис. Здесь былолюдно. Воды святые и целебные. Слуги Булатовича, погоняя мулов, прошли мимо знаменитых вод к озеру. Озеро в ожерелье источников, и каждый носил имя святого.

День был торговый, вдоль озера — базар. Слуги Булатовича охотно вскупывались в целительной воде, поили мулов и лошадь.

Бронзовые тела абиссинцев, чёрные — галласов под лучами вечернего солнца посвечивали. В кипении святых вод таилась немыслимая древность. Мир оставался здесь тот же, что при Соломоне, при царице Савской... Новая история ещё только грядёт, но уже рядом, коли он здесь, белый, в пробковом шлеме, с

револьвером, с кипрегелем. А главное, с русскими мыслями.

В Аддис-Абебе Александра Ксаверьевича лихорадка ломала, но отступилась. Купаться не стал. Если вспомнил о болезни, значит, болезнь напомнила о себе. Скорее всего, это был сигнал.

Такая красота кругом — истинное тридевятое царство! Нелепо свалиться в трясучей. Сделал себе вливание в живот: хина отпугнула лихорадку.

Весь день третьего ноября узкими тропами поднимались на хребет. На карте помечена вершина горы Токе, достигает отметки 2650 метров. Ночевали в горах, звезды были так близко, что хотелось изловчиться и взять с собой какие ярче.

Четвёртого опять весь день спускались в долину реки Гибье. Страшная крутизна. Лесные дебри и непролазная грязь после недавних дождей.

Ато Зеннах просил остановиться у него дома. Вьючные седла выказали всю свою непригодность. Самый сильный мул набил спину. Решено было сделать ему прижигание.

Булатович согласился на остановку. Дом Ато Зеннаха у подножья горы Джибат. Изумрудная долина, повсюду деревни, жизнь. А на вершине Джибат упокоилась легенда могущества Эфиопии. На вершине четыреста лет тому назад манил к себе своим счастьем дворец негуса Атье Заракоба. Жестокий государь, носивший православное имя Константин, соединил княжества в единое государство. Гора Джибат — это и есть пик могущества средневековой Эфиопии.

Ато Зеннах показывал на зеленые кудри непролазного леса. Там развалины крепости. Увы! Грязь сделала гору неприступной.

Но, во-первых, занялись мулом. Раскалили на коровьих кизяках два серпа, мула повалили и сделали ему по семи прижиганий вдоль хребта и на ребрах. Мучительно, однако ж на другой уже день животное вьючили.

Хозяин дома ради столь удивительного гостя зарезал быка и двух баранов. Большие глиняные кувшины гомбо, наполненные тэждем, опустошились без счета.

Булатович поймал себя на том, что он здесь не хлопающий глазами иноземец. Ему важно, чтобы Менелик, царь этой страны, был доволен. Доволен Ато Зеннахом, дэджазмачами Убие и Демесье, походом корнета Булатовича, миром с галласами...

Весь день шестого ноября были в движении. Ночевали в доме влиятельного галласа. Оставшись поздним вечером наедине, Булатович надел белый мундир и выпил, наполняя бокал, бутылку красного вина. За полк. Шестого ноября полковой праздник. Где бы ни был гусар — душой он в полку.

На следующий день в полдень подошли к мосту через реку Гибье. Полотно моста шириною в шаг, но посередине щербатое. Вода была чрезмерно высока, унесла доски. Мост держат на весу лианы. Лианами оплетены два огромных дерева по обоим берегам. Для мулов мост негод. По два, по три переправляли вплавь.

Лошадь Александра Ксаверьевича пустили в воду с двумя мулами. Могучий поток с водоворотами был испытанием для нервов. До берега лошадь доплыла первой, но силы передних ног не хватало удержаться на обрывистом берегу. Лошадь боком завалилась в реку. Забарахталась, запаниковала. Её ужас передался толстокожим мулам. Всю троицу понесло.

Двое местных галласов и двое слуг из нанятых кинулись на изгиб реки, перехватили животных, втащили на твёрдую землю. Страстей было много, но бурную Гибье одолели за полтора часа.

Дорога шла долиной, ещё топкой после дождей. С севера долину оберегали, как стражи, горы Чалез, с юга — Джибат и Колетчо-Але.

Ато Зеннах глазами показал на вершины Джибата:

— Где-то здесь покоится крест, спустившийся с неба.

— Ты был там? — глаза Александра Ксаверьевича загорелись.

Ато Зеннах испугался.

— Не был. Никто не был... А кто был, тот умер. Крест хранят таинственные старик и старуха. Если хоть раз в жизни солгал, поднявшись на вершину, где небесный крест, умрёшь из-за своей нечистоты. До этих вершин охотников нет ни среди галласов, ни среди эфиопов, негры сюда тоже не ходят. Младенец мог бы взойти на гору, да в колыбели лежит.

Где трагическое, там и смешное. Один из слуг, красуясь перед товарищами, надел на голову цилиндр Булатовича. Перевьючивая мулов, цилиндр помяли, но эфиоп почитал невиданный головной убор за драгоценность. И вдруг на се-

редине моста порывом ветра цилиндр сорвало с головы щеголя. Не раздумывая, тот сиганул с пятиаршинной высоты в клубящийся поток, но героев здесь было много. Пятеро или шестеро галласов кинулись спасать заморскую вещицу. Спасли. И все ужасно счастливые поднесли никуда уже не годный цилиндр русскому офицеру. Русский — друг негуса.

От вершины, где крест небесный, дорога уводила.

Ах, как вскрутилось в груди Александра Ксавьеревича! Глядел на вершину зачарованно. Спросил Ато Зеннаха:

— Может, всё-таки рискнуть?

— Не пушу! — твёрдо сказал добрый человек.

— Когда-нибудь ты тоже врал, а я за тебя перед Менеликом головой отвечаю. Неужели ты хочешь моей смерти?

Засмеялись. Но в груди у Александра Ксавьеревича щемило. А за Абиссинию порадовался.

— У нас такого нет. Мудрая земля у негусэ нэ-геста.

— Мудрая, — согласился Ато Зеннах и показал на животное в зарослях мимозы.

— Бохор!

Антилопа бохор — существо из «Тысячи и одной ночи» — прекрасное, грациозное, росточком с козу. Трёхлинейка сама кинулась в руки Булатовича. До цели шагов сто, выстрелил. Антилопа мчалась, повисая в воздухе и, должно быть, запечатлевая себя, существование свое на небе ради земли. Слуга Булатовича пальнул по убегающей из ружья Гра. Оборвал полёт.

Подъехали. Булатович ревниво осмотрел охотничий трофей. Его пуля, не задев ребер, пробила лёгкие. Слуга попал в голову.

— Это ко лжи имеет отношение? — спросил Александр Ксавьеревич Ато Зеннаха.

— Нет, — сказал Ато Зеннах. — Ты добыл пищу.

— ...Лишив жизни прекрасное Божье создание...

ТОВАРЫ БИЛО

Восьмого ноября выступили в поход на заре. Африканским зорям мало неба. Чудится, дважды, а может, и трижды опоясывают небосвод.

Булатович увидел — оробо. Рога в полтора ар-

шина и не пуглив. Знает свою силу. Охотничий азарт — добыть рога — это одно, не утерпел покрасоваться перед эфиопами меткостью. Выстрелил за две сотни шагов. Попал, но гнаться за сернобыком пришлось с километр. Второй раз не стрелял. Оробо рухнул. Пуля пробила чудесному животному шею, но шейные позвонки не задела.

Рога оценил даже Ато Зеннах.

— Хорошая добыча! — и стал прощаться.

Владения дэджазмача Убье кончились. Флейты пронзали высокими посвистами воздух. Встречать русского спешил конвой дэджазмача Демесье. Булатович попрощался с Ато Зеннахом. Подарил ему часы — приобретение для африканца редкостное.

Две сотни воинов и пять флейтистов прислал дэджазмач Демесье — почесть самая высокая. Старшими в конвое были абагаз Бакабил и Ато Уольдэ Маскаль. Маскаль командовал двумя тысячами солдат и в отъезды дэджазмача управлял всеми его землями. Абагаз — отец владетеля. Звание высокое и трогательное. Абагазом мог быть раб, нянчивший в младенчестве дэджазмача. Преданность абагаза сильнее кровных уз, его жизнь в жизни того, кого растил, кому служил с колыбели.

К почестям тоже надо было привыкнуть. Вокруг — толпа вооруженная, встречают толпы любопытствующих. Флейты стонут не умолкая.

Вошли в селение Било. Булатович знал: в Било сходятся самые важные для Абиссинии и соседних территорий дороги. Здесь пересекаются караванные пути в Уалагу, Илу-Бабур, Джимму, Каффу, Леку. Через Било товары поступают в родное гнездовье Менелика — в Шоа, а также в Гаджам. Из Гаджама — в Массову, Джибути, Зейлу — на берег моря. Через Шоа караваны добываются до Харара.

Дома в знаменитом торговом центре богатые, но домов-то всего три сотни.

Булатович хотел посмотреть, какими товарами богат счастливый городок, мимо которого не пройти, но, сойдя с седла, пришлось высидеть радушное пиршество.

Принимал гусара шум города. Шум был сыном нагади-расы — «головы купцов».

Находясь на земле дэджазмача Демесье, Било подчинялся начальнику торговцев.

Булатович чувствовал себя на пиру времен Бо-

яна, а скорее всего, Аттилы. Сменяя друг друга, пели азмари, славельщики побед Менелика. Но все певцы сказания свои сворачивали на события дня нынешнего. Пели о дружбе русских и абиссинцев. Мало того, славили молодого русского офицера — самого быстрого человека на их древней земле.

В Било знали о стремительных переходах гусара. Шум был молод, ему льстило вершить историю, потому и разговоры заводил значимые.

— Бескорыстие русских, вылечивших тысячи раненых и больных, наполняет наши сердца благодарностью, — говорил шум. — Но не только доктора. У вас, русских, добрые солдаты. О вашей доброте тоже идёт слава. Какая она, страна Россия?

— Великая, — улыбнулся Александр Ксаверьевич. — От Балтийского моря в Европе, до Тихого океана, где край Азии, — одиннадцать тысяч километров.

— Выходит, Россия больше Италии!

— Больше, — засмеялся Александр Ксаверьевич. — Итальяй поместилось бы в России — более сорока.

На лицах хозяев пира явилось стыдливое недоумение. Тогда он, взявши лист бумаги, нарисовал сапожок Италии и приблизительный контур России.

— Сами посчитайте, намного ли я ошибся. Представив вам границы России, я не побоялся бы взойти на вершину, где лежит крест, спустившийся с неба.

Азмари тотчас исполнили песни о великой России, о русских людях, которым не страшно взойти на вершину и посмотреть на крест. Правдивые не умирают, ибо чисты их уста.

Пир закончился за полночь, но азмари и ночью не дали покоя. Славили, славили...

Весь следующий день Булатович провел среди купцов в лавках. Кое-что покупал (в Било продавали даже коньяк), но более приценивался, расспрашивал.

Перед сном все свои наблюдения занёс в дневник. Отметил: для России выгодна торговля золотом с Абиссинией. Золото идёт из Уалаги, из бассейна реки Тумата. Страна Уалага принадлежит Абдурахману. Правитель пока что независимый. Золото собирают галласы после сезона дождей. Ищут в ямах рек. Песок промывают

вручную, потом выплавляют кольца. Чистота золота высокая: на тысячу частей — 810 желтого металла. Золото мягкое, легко гнётся. 27 граммов — вес талера Марии Терезии — называется «укет». В Абиссинии укет стоит 28-30 талеров. В Адене — 34. Фунт золота на месте обойдется в 444 рубля. В Адене фунт стоит 467-468 рублей. Но на месте золото покупают за товары. Здесь тоже свой доход. В России фунт золота стоит 400 рублей. Но это золото пятьдесят шестой пробы. Следовательно, торговля золотом с Абиссинией могла бы быть безвыгодной.

Сведений набралось за один только базарный день богато. Установил важное. Нищенство ограничивает ввоз бумажных тканей. Везут белую, очень дешёвую из Индии — на штаны. Штука абужеди стоит четыре талера в Аддис-Абебе. В штучке — двадцать шесть аршин. Дорогую бумажную ткань ввозят редко.

Шёлк двухцветный, яркий. Исподняя сторона шелковой материи бумажная. Кэнд шёлка — это десять вершков — продают за талер. Аршин, таким образом, стоит 1 рубль 60 копеек. Столько же стоит бархат. Водку продают по одному талеру за бутылку. Сахар стоит 40 копеек за фунт.

Ввозят эмалированные кружки, дешёвые часы, дешёвые духи самого ужасного качества, бусы, фетровые шляпы с широкими полями, зонты, мыло. Графины венецианского стекла — гордость мало-мальски зажиточных абиссинцев.

О торговле слоновой костью Булатович узнал главное. Основной торг идет со двора Менелика. В Адене один фунт при клыках весом в пуд и более стоит четыре рубля. Фунт небольших клыков ценится дешевле. Цена всё время меняется. Иногда объявляют о больших запасах слоновой кости, и цена тотчас падает. Торговый дом «Тиан и Ко» держит втайне количество товара. В Петербурге фунт слоновой кости из больших клыков стоит шесть рублей. Сбыт в России столь ценного товара был бы доходен.

ДЕМЕСЬЕ И ЕГО ЖЕНА

Утром под лимонно-золотыми небесами всходили на перевал хребта Кончо. Вершины горных скоплений Сибу, Челеса, Лиму пламенели — каждая своим огнём.

— Господи! Это же для меня являешь чудо! — пришла догадка, может, и ребяческая.

Слуги тянули мулов, не замечая красоты гор. На перевале новое потрясение. Изумрудная долина реки Уама — простор, мир, которому нет конца.

Через Уаму переправлялись вплавь, вступили в княжество галласов Леку, покорённое Менеликом. На другом берегу реки русского ожидало войско! Все ашкеры дэджазмача Демесье приветствовали Булатовича и его отряд. Сам Демесье встретил гостя во дворе резиденции. Пригласил жить в своем доме.

От чудес устать тоже можно. Душе понадобилась обыденность, чтобы вновь открывалась чудо.

Александр Ксаверьевич посмеивался над собой. Обыденностью стал для него круглый дом эфиопа. Обыденность. Жена Демесье — цветок, не распутивший лепестки... Ей четырнадцать лет, но Демесье для неё третий муж. Её титул и её имя — визиро Асалефечь — «заставляющая проходить». Она племянница могущественной этигье¹¹ Таиту — белолицей жены Менелика. Первое замужество Асалефечь было в девять лет. С Демесье у неё медовый месяц. Разведена по желанию Таиту. Отдана в жены угодившему императрице. Вокруг юной губернаторши множество служанок и евнухов, служанки ревностны в исполнении желаний госпожи, но они тоже стража. За порог эльфа — дома жены — не смеет ступить без позволения мужа.

Демесье возвысился попечением Таиту. Сын афа-негуса, любимца Менелика, он был всего лишь фитаурари — своего рода генерал-майор, начальник авангарда. Управлял Демесье крошечными областями Гера и Гума на границе с Каффой. В боях с итальянцами были убиты фитаурари Габай, Тэкле, Дамто. Их земли были отданы Демесье, а сверх того Менелик поручил ему наблюдение над завоеванными княжествами галласов — Уалагу и Леку.

Менелик сделал приятное Таиту, но он и сам доверял сыну афа-негуса. Афа-негус — «рот негуса» — судья.

Все родственные связи Демесье и его юной супруги были записаны Булатовичем в тетрадь. Дэджазмачи подпирают власть негуса, как столбы подпирают крышу эфиопского дома.

От пиршеств не удавалось отдохнуть.

Четырнадцатого ноября со всей армией Демесье отряд Булатовича выступил к реке Дидессе. То было время Филиппки — заговенье на Рождественский пост.

Толпы с ружьями, с копьями. Подвывания флейт. Не армия — стихия. Но Булатович знал: неорганизованность абиссинской армии обманчива. Все охотники. Все мечтают убить льва.

Дошли до реки. Попрошались. Демесье подарил гостю «великолепного мула с серебряным убором». Булатович отдал ружьём Гра, сотней патронов к нему и частью походной аптечки. А чтоб повеселить дэджазмача, в самую минуту расставания поднёс саквояж, в котором прибыла из матушки-Москвы чистая как слеза русская водочка.

СТРАНА ЛИХОРАДКИ

Судьба наказывает за скорое расставание с хорошими людьми.

Переправились через широкую Дидессу на долбёнках. Перед началом переправы пошумели, постреляли, распугивая крокодилов. Лошади и мулы одолевали реку вплавь. Беды натворил дарёный мул. Слуга Булатовича, сидя в лодке, держал в руках повод, чтоб животному было покойнее. Но как только земля ушла из-под ног, мул рванулся обратно к берегу. Повод попал под челн. Челн перевернулся, слуга, не умевший плавать, пошел ко дну. Галласы несчастного спасли, но ушла под воду винтовка, выпали из челна и утонули кое-какие вещи.

Дань Дидесса взяла не ахти большую, но Булатович наконец-то почувствовал себя в дикой нехоженой Африке.

Лес вдоль Дидессы тянулся узкой полосой. Деревья чудовищно корявые, но что ни дерево — царь. Огромное, увитое лианами. Под деревьями — гиппопотамы, а там, где их не видно, — крокодилья территория. Несколько десятков шагов — и море травы. Вернее, неведомо сколько — высотой трава в пять аршин.

Тотчас стало понятно: о нехоженой Африке придётся позабыть. В непроницаемом травяном царстве троп было множество, но как различить, чья это тропа: человечья или звериная.

Еле-еле выбрались к небольшому селенью

галласов. Пять круглых хижин. Людей не видно. И нет мулов с палатками, с провизией. Потерялись в траве.

Абиссинцы — вежливый народ. Не вступая в деревню, покричали, чтоб войти в дома спросась. Ни людей, ни ответа. Наконец в дверном проёме появился мальчик: кожа да кости. Голый, на плечах — баранья шкура. Мальчика бил озноб — лихорадка. Булатович заметил перед домом кучи камней, а сверху — зёрна кофе, раковины, клочки материи.

Стали слышны стоны.

Уольдэ Тадик, самый близкий из амхарцев человек, сказал Александру Ксаверьевичу:

— Дидесса — родной дом лихорадки. Она живёт здесь два раза в году, — и назвал месяцы, которые приходились на май-июнь, октябрь-ноябрь.

Ночевали за околицей. По крайней мере, место, свободное от травы.

Булатович послал слуг искать мулов. Но соединились в полдень следующего дня. Отряд встретил шум дэджамача Тасамы — Ато Балайнех. Булатович записал его вторую должность: «уамбыр» — судья половины владений. Но Балайнех, оказалось, исполнял ещё одну важную государственную обязанность: наблюдал за сбором податей шумами Тасамы.

Сухой телом и лицом, веселый и, должно быть, отважный, он не играл в начальника, говорил грубовато. В словах, в движениях его подкупали искренность, желание сделать доброе.

Рассказал, что ходил в Тасамой в Ауссу. Убил тридцать двух воинов племени данакиль. С ружьём, однако, управляться не умел. Его оружие — копьё.

СТРАНА КОФЕ

Вчера страна лихорадки, страдания, смерти, а уже нынче — царство вечной, несменяемой весны. Изумительной красоты, совсем небольшие, словно это игрушки небесных исполинов, — хребты. Долины как само счастье! Зелены молодо, по-детски, для детских глаз, ищущих чудо. В каждой долине — хрустальная река. Воды сказочной Каффы.

Уольдэ Тадик показал Булатовичу на правильные линии кактусов колкуала. Для глаза военного человека всё понятно. Здесь стояли дома,

здесь жило множество народа. Война освободила землю от людей.

На высоких деревьях увидели множество ульев.

— Здесь крепкий мёд! — сказал Уольдэ Тадик.

— Скажи! — вспомнил Булатович вчерашний день. — Что это за каменные кучи мы видели в замученной лихорадкой деревне, у самых домов?

— Люди лихорадку умасливают. Дают ей самое хорошее. Зёрна кофе там были.

Булатович повёл руками, будто трогая воздух:

— Деревья цветут!

— Здесь все тринадцать месяцев что-нибудь да цветёт! — сказал Уольдэ Тадик.

— Какого же рожна люди дают убивать себя лихорадке? Рядом страна изобилия!

Теперь руками повёл Уольдэ Тадик:

— За такую землю людей убивают люди.

По мосту перешли речку Добону. Ночевали в доме галласов. Хозяин был убит воинами Менелика. В доме остались мать убитого и две его жены. «Одна из них редкой красоты», — записал в дневнике путешественник.

Семнадцатого ноября опять же с моста полюбовались могучей Габой. Увы! Здесь Булатович лишился самого сильного мула. Был здоров, трудолюбив — вдруг повалила из ноздрей белая пена. И мул пал.

Вся местность поросла кофе. Перешли речку Сор, и здесь кофе.

Двадцать первого за три версты от города Гори русского путешественника со всеми воинами встретил фитаурари Уольдэ Айб. Все войско поклонилось русскому офицеру, в городе из церкви вышел причт с крестами, с образами. Священник прочитал молитву «Отче наш», и пошло: пение, пляска. И всё это духовное.

Гори — резиденция дэджамача Тасамы. Последний город Абиссинии на юго-западе.

Тасама был в походе. Присоединял к землям нгусэ нэгеста пограничную Мбчу.

Письмо Менелика, поданое Булатовичем фитаурари, привело старца в большое смущение.

Менелик писал: русский офицер приехал смотреть страну. И приказывал: покажите всё, что захочет видеть.

Без позволения Тасамы его наместник не смел исполнить приказ негуса!

— Дай мне проводников, я пойду в М'очу к Тасаме! — рассердился Булатович.

— Там война, нельзя! — твёрдо стоял на своём наместник.

— Хорошо! — Булатович потряс перед Уольдэ Айбу письмом Менелика. — Я имею разрешение императора и не намерен сидеть на месте. Через два дня ухожу или к дэджазмачу Джоти на север, или к Тасаме.

Уольдэ Айб готов был упасть на колени перед русским.

— Подожди две недели, и Тасама вернётся.

— Две недели обернутся двумя месяцами. Ухожу завтра.

Молодость скорая, но старых Бог бережёт.

Утром взбунтовались слуги. Возможно, их подговорил наместник. Требовали выдать обещанные пять талеров на одежду.

Заправилу заговорщиков Булатович прогнал прочь от себя. В дом ввалился, яростно крича, слуга, уронивший цилиндр в реку. Булатович приказал, и бунтовщика высекли.

Он тотчас явился снова и положил к ногам Булатовича винтовку.

— Уходи! — согласился Булатович. — Вот тебе за труды, но без обратной дороги.

Выдал три талера.

Через полчаса к русскому начальнику явились священники, просили за непокорного прощения. Сам он бросился целовать ноги господину.

Мир был восстановлен, власть утверждена, а ехать дальше было невозможно. Голова горячая, на животе, куда делал впрыскивания хины, образовался огромный нарыв.

Пил лекарства. Накладывал мазь. Нарыв дёргал, температура лезла вверх.

Решился. Прозвучало страшное слово «операция». Слуги собрались у входа в палатку, причитали, скорее всего, молились. Обработал нож сулемой, место будущего разреза — водкой, вскрыл нарыв.

Календарь показывал двадцать пятое ноября.

ВЫЗДРАВЛИВАЯ, ПОЗНАВАЙ

.. Поговорить хотелось с батюшкой Иоанном в его Кронштадте. И чтобы белая ночь, запах травы, которую зовут муравой. И чтоб небо было серое, балтийское, и чтобы...

Он останавливал поток желаний. Батюшка не благословил идти в монахи. А то ведь ничего бы не было, что за стенами палатки: хрустальные воды, кофе можно сорвать с дерева. Деревья в цвету. Цветы синие. Потом надо будет узнать, как их называют учёные. Впрочем, если учёные знают о таких деревьях.

В глазах стоял сухопарый, тонконогий, смеющийся щербатым ртом Ато Балайнех, убивший тридцать двух разбойников. Данакили — разбойники поголовные. С данакили пообщаться пришлось.

Отодвинув всё и всех, явилось строгое лицо княжны Софии. В глазах — страдание.

Он поставил рядом вдову галласа с реки Добоны. Жаль, что нет галереи красавиц всех времен и народов. Совершенство, рождённое под круглой соломенной крышей, в ста шагах от крокодилов, от гиппопотамов... Совершенство Вселенной. Очень даже может быть. Пленит босоногих женихов и, никем не оценённая, угаснет. Перестанет быть.

Вынужденный сидеть на месте — сил не было — Александр Ксаверьевич исследовал вопрос о мускусе.

Циветтовую кошку местные люди называют «трынь».

Стоимость мускуса в Адене — 1600 франков за килограмм. В Энтото мускус продается в восемь раз дороже веса серебра. За один фунт — 118 рублей. Торговля трудная и неверная. В мускус подмешивают коровье масло, кал циветты и прочая, прочая.

Священники и Уольдэ Тадик помогли гусару понять тонкости эфиопского летоисчисления. Каждый год носит имя евангелиста. Високосный — Иоанна. Следующие Матфея, Марка, Луки.

Русский 1896 год соответствовал 1889-му эфиопскому. Шёл год Матфея. Новолетие, как у нас в XVII веке, начинается первого сентября. В году тринадцать месяцев. Двенадцать по тридцать дней и короткий — в пять или шесть.

Сентябрь — маскарем, октябрь — тыкымт, ноябрь — хедар, декабрь — тахсас, январь — тыр, февраль — екатит, март — магабит, апрель — мизази, май — гынбот, июнь — сание, июль — хамлье, август — нахасье и последний, какого у нас нет, — пагуме.

Крестились эфиопские священники по-раз-

ному. Все, сжав руки в кулак, поднимая вверх один палец слева направо, но священник, посетивший Иерусалим, складывал пальцы по-православному.

Только двенадцатого декабря силы вернулись к Александру Ксаверьевичу. Отъезд назначил на пятнадцатое. И тут тяжело заболел Уольдэ Тадик.

Через пять дней галласка принесла письмо от Тасамы. Дэджазмач писал, что желает видеть глаза друга-русского, просил подождать до Рождества. Ответил: буду ждать.

Решил поохотиться и собрать сведения о вере галласов. Открылось: галласы знают зло, вершителя несчастий. Его имя Боронтига. Под этим именем зло поклоняются мужчины. Женщины зло называют Борентити.

Податель урожая и дождя — Адебар. Женщины спрашивают детей у духа Оглье. Но есть дух, дающий мужскую силу, помогающий размножаться скоту: Атетье-хора. Женщины зовут духа Атетье-дула — женского рода.

Духу зла жертву приносят в один из вторников или в одну из суббот мая.

Адебару, духу земли, пекут лепёшки, поют и пляшут под огромным деревом перед севом и собрав урожай.

Оглы для жителей Леки — слон.

В других местах режут быков, баранов. Женщины мажут себя жиром, вешают на шею сальник. Мужчины покрывают кровью животного лоб и щит, на руки надевают браслеты из жира. Это для счастья на войне. Целую ночь поют и пляшут.

ПОБЕГ В НОВЫЙ ГОД!

— Меня превратили в фельдшера! — негодовал Александр Ксаверьевич.

Он жаловался Уольдэ Тадику на слуг. Чего, когда не поделили, но драки с местными людьми кончались кровавыми стычками. Приходилось перевязывать раненых.

Дело дошло до ружей. Булатович вмешался, прекратил ссору, а на русском календаре от года остался день. Уольдэ Тадик болезнь одолел, но не было известий от дэджазмача Тасамы.

Фитаурари Уольдэ Айб выделил на охрану русского офицера полсотни ашкеро. Ради почта и чтоб не убежал.

А совсем недалеко неведомые земли, не показанные на карты европейцев. Европейцы эту часть Африки ещё не открыли для себя.

Булатович приготовился к побегу в считанные часы. Тридцатого вечером купил очень хорошую лошадь. Утром, завтракая, приказал оседлать и новую, и старую. Выпил чашечку какао, переглянулся с Уольдэ Тадиком, и пошли они к лошадям. Слуги принесли сумку с галетами и с водой. Булатович перекинул через плечо винтовку, Уольдэ Тадик — штуцер. У него на поясе сабля, у Булатовича — шашка, в кобуре — револьвер. К стволам по сорок патронов. В седла — и галопом: часы показывали восемь.

Ехали по дуге горной цепи Диду. За четыре часа движения одолели пятьдесят вёрст, до желанной Баро осталось не более пятнадцати...

Дали отдохнуть лошадям. Погони не было слышно. Выпили воды, пожевали галет. Через четверть часа двинулись лесной дорогой к реке. И тут пришлось сойти с седел в топкое месиво. Взяли по колено, грязь стягивала сапоги с ног.

Баро, оказывается, тоже зажалась русского. Чудовищный гул водопада манил идти напрямик. Деревья, улетающие вершинами к солнцу саженей на двадцать и выше, избавляли от жары многослойной тенью. Дорога, где каждый шаг — подвиг, изматывала, а сойти с неё — непролазные заросли кофе.

Только в три часа дня выбрались на твердь берега. Мост был цел. Но перейти его тоже требовалось мужество, особенно перевести лошадей. Мост был бы невозможен, но посреди реки стояли неодолимые для бешеного потока два утёса.

Сорок шагов над кипящей погильею — скала. Ещё один пролёт моста в те же сорок шагов — опять утёс и последнее испытание.

Корнет гусар Булатович стоял на нехоженной, на открытой им для белых земле. Вот только земля эта была землёй войны.

Перекрестился:

— Слава тебе, Господи! И русскому Африка горазда открываться!

Сели на лошадей.

— Земля Моча, — сказал Уольдэ Тадик. — Здесь — сидамо. Моча и сидамо — один народ.

— Я слышал, народов тут множество.

— Народов много, — согласился Уольдэ Тадик.

— Но понять их язык можно. Каффа от слова

«кефу» — злой, а «мóча» — от слова «мот» — смерть. Так назвал эти земли Атье Заракоб. Он завоевал их четыреста лет тому назад.

Уольдэ Тадик сошел с лошади и поклонился Александру Ксаверьевичу:

— Господин! Ты хотел видеть реку Баро. Ты её видел. Надо нам вернуться.

Исследовать страну, где идёт война, мало что узнаешь, мало что увидишь. Но хотелось хотя бы побывать в стране, только что открытой.

— Немножко посмотрим! — сказал Уольдэ Тадику корнет, чувствуя себя мальчиком-авантюристом.

Солнце клонилося, а тьма здесь быстрая, вечер укладывается в полчаса.

Хоть какое-нибудь селение, но лес не убывал. И вдруг — говор. Поспешили к людям и оказались в лагере сборщиков кофе.

Жена абиссинского шума, собрав оставшихся солдат, рискнула перейти реку и собирала кофе. На поляне стоял шалаш из листьев банана, горел костёр. Человек пятнадцать сидели кругом огня, ужинали. Путникам на конях изумились. Ещё больше — белому человеку.

Начальница войска позволила, и Александра Ксаверьевича провели в шалаш.

Изумительно красивая, почти белолицая женщина полулежала на постели и кормила грудью младенца.

Принесли угощенье: кукурузную лепешку и только что собранный кофе.

У Булатовича были галеты. Воскликнул:

— Ай да Новый год! Ай да встреча!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Год тому назад грезил разводить породистых лошадей в Луциковке. Танцевал с дочерью полкового командира, дежурил в Зимнем дворце. Читал французские книги о скачках, о лошадях.

И — сон наяву. Банановые листья отгораживают от африканских джунглей, сотворённая из живого золота молодая женщина — близкая родственница царицы Савской.

Чудилось: он остался в прежней жизни, но ничего не знает о самом себе. Его фантом в ином мире. Сквозь банановые листья может просунуть морду бегемот, а на постель красавицы — заползти пятиметровый питон.

Стрелочка на часах подрагивает, перебирает минуты. Новый 1897-й. Пора на отдых. И неизвестно, где ещё проснешься.

Проснулся за рекой Баро. Попрошался с красавицей — и в путь. Селения видели, но не было людей — война прошла здесь истребительной метлой.

Воины Менелика жестокие. У Уольдэ Тадика умоляющие глаза: пора возвращаться.

Александр Ксаверьевич повернул коня на север, и Уольдэ Тадик вывел к абиссинской крепости Альга. Пограничный пост и впрямь был крепостью с глубоким рвом, с единственным мостом. Именем негуса Менелика их остановили. Назвали себя. Пришел начальник караула и сам отворил ворота.

Сели потрапезничать, и вдруг радостные возгласы. С двумя большими отрядами явились кэннязмач Сентаюх и азадж Дубаля Уольдэ Айб, напуганный исчезновением русского, разослал все свои войска на поиски.

Оба присланных нижайше просили русского вернуться. Война. Стрела может прилететь из-за любого дерева.

— Твоя гибель — наша скорбь! — говорили кэннязмач и азадж.

Александр Ксаверьевич согласился подчиниться. Разговоры серьёзные, а у гусара тетрадь его наготове. Расспросил и записал: кэннязмач — это скорее всего полковник, азадж — управляющий поместьями. Выяснил дословное значение прочих титулов. Оказалось, дэджазмач — это боярин дверей, тот, кто стоит перед троном. Кэннязмач — боярин правой руки, его место по правую руку негуса. Гыразмач — подполковник, боярин левой руки. В отдалении от трона справа стоят азаджи, слева — ликаунты.

Шли на север, по склонам гор. Добрались до области Сале, здесь граница с племенами негров.

Вот и Баро!

К Баро вышли ниже моста верст на пятнадцать. Два рукава реки, не уступая друг другу в красоте, образовали два водопада. Через реку здесь переходят, прыгая с утёса на утёс. Но — лошади!

Начали переправу в самом покойном для Баро месте, мула понесло, слуга ударился о камень,

стал тонуть. Ему подали копьё. Мула оплели лианами, тащили кто за что ухватил! Спасли.

Не рискуя, кэннязмач приказал строить мост. Построили, затратив три часа. Перешли. Но на другой стороне начинался подъём, по которому струилась вода верхнего русла. Лошадь Булатовича не удержалась, заскользила вниз, к водопаду. Замелькали в воздухе лианы, лошадь удалось оплести. Вытянули с того света.

Ночевали вблизи базара Буре. Здесь идет торговля с неграми: негры продают слоновую кость, кофе, мускус циветтовой кошки.

Этих удивительных кошек Александр Ксаверьевич наблюдал в доме купца галласа. Кошки сидели в длинных круглых клетках. Повернуться кошка не может, но кормят хорошо. На десять кошек в день идёт один баран. Мясо обязательно жарят. Мускус собирают раз в девять дней. В сборе драгоценности участвуют три человека. Один держит кошку за хвост, другой раздвигает задние ноги, третий роговой ложечкой выскабливает из-под хвоста выделения. Добыча две чайные ложки.

ЧЕМ БОГАТА АБИССИНИЯ

Базар Буре удивил своим простодушием. Будто в сказке побывал.

Булатович пришёл к началу базара. Толпа местных купцов ожидала чекашума. Чекашум — начальник базара, дословно «начальник грязи».

Среди торговцев были негры. На белого человека толпа смотрела со страхом и любопытством.

Пришел чекашум, взобрался на возвышение, а его помощники принялись осматривать торгашей и товары. Маломощных пропускали без податей, а вот за барана брали кусочек соли — одну двадцатую талера, за шамму — тоже крошечный кусочек. За мешок хлопка — горсть хлопка. За мешок кукурузы — горсть зёрен.

Александр Ксаверьевич вскоре понял: весь Буре на базаре и все не без дела. Несколько зёрен кофе — кружка пива, пучок хлопка — табак на трубку. Монет ни у кого не было: соль, зёрна кофе и мена — товар на товар.

Изумляли красотой галласки. У одной приметил сложнейшую прическу. Волосы были наматаны на тонкие острые палочки. Палочки иглами окружали прекрасную головку.

В передниках из листьев щеголяли негры племени ямбо. Передние верхние зубы ради красоты у них были выбиты.

С базара — в путь. Через пять часов были в Гори. Фитаурари Айб, оказывается, заковал в цепи араба, продавшего русскому лошадь. Булатович потребовал немедленно освободить невинного. Айб повиновался.

Впереди предстоял Крестный ход на Иордань. Отъезд Александр Ксаверьевич назначил на седьмое января.

Вечером с пятого на шестое гусар шёл с Крестным ходом на Иордань. Казалось, вся Эфиопия стеклась в Гори. Толпы несметные, но порядок строгий.

Процессию венчали дьяконы-мальчики. Им было от восьми до двенадцати лет. Они все звонили в колокольчики, а дебтары — книжники — пели духовные стихи и били в барабаны.

Народные толпы тоже составляли свои хоры, тоже били в барабаны, но песни и здесь звучали совсем не религиозные.

После Крестного хода местные начальники ужинали в палатке русского офицера. Пение дебтаров продолжалось, но их временами забивали женские голоса.

В пении женщин все время звучало: «Гобилье! Гобилье!» А «гобилье» — любовник.

В два часа ночи началась служба у Иордани, в пять — освящение воды. Священник трижды погрузил крест в воду, трижды облил голову себе, потом другим священникам и русскому гостю.

Народ ринулся в Иордань, давясь, но весело. Возвращались утром.

Хоры не умолкали, пляски не остывали. А в полдень явились галласы. Они построились в огромный круг. Хор пел одно слово: «Хода! Хода!» В центре круга огромный звериноподобного вида человек неистово плясал с копьём в руках. Рыча, подпрыгивая, он кидался то к одному, то к другому, целясь копьём в грудь.

После троекратного обхода церкви грянули залпы из ружей, и священник вошёл в церковь.

Покинул Гори Булатович восьмого января. Фитаурари одарил его слуг от имени Тасама и пожаловал русскому прекрасного мула в богатой сбруе. Булатович подарка не принял, ибо не был знаком с Тасамой.

Путешественников провожал конвой, составленный из всего войска. Почести велики, но и хитрости немалые. Уольдэ Тадик узнал: запрещено показывать русскому другие дороги, пусть возвращается той же, по какой пришел. Всех галласов гнали с пути русского прочь, чтоб не у кого было спросить о проходах через горы, о тропах, о переправах.

Досады не было на хитрецов. Было удивительно. Он, корнет, младший в корпусе офицеров русской армии, противостоит не только полковникам и генералам Абиссинии, но всей государственной машине царя царей. Вот она, суть государства. Офицер дружественной страны — опасность. Для будущего? Или без секретов какое же государство? Что-то надо утаивать, скорее всего, во вред себе.

Булатовичу более всего хотелось поскорее покинуть владения Тасама. Для этого надо перейти могучую Габу. На север! На север! Где-то за Габой есть дорога из Леки в Уалагу.

Случайно услышал разговор купцов об удобной дороге с мостом неподалеку от базара города Супе.

Конвой хитрил, но Булатович со слугой промчался по округе и нашёл удобную дорогу.

Одиннадцатого января вышли к мосту. Начальники конвоя кэньязмач Уорке и азадж Дубаль не захотели пропустить через мост Булатовича и его отряд.

ЖАЖДА НОВЫХ ПОХОДОВ

Могучим мулом — грудь, как у пары лошадей, — корнет лейб-гвардии наехал на ашкеро, загородивших дорогу.

Ашкеры отпрянули, и отряд русского офицера вступил на мост через Габу. За мостом — Уалага. Парная жара провинции Илу Бабуре осталась позади.

Огромный конвой не посмел преследовать храбрецов. За мостом земля подвластна уже не Тасаме, а Демесье.

Это была благословенная земля. Леса мимозы. Множество селений, и всё богатые. У женщин Уалаги кожа, как шоколад.

Миновали города и базары Супе и Содо. Ночевали в Абеко.

Тринадцатого января отряд вошел в город

Гунжу. Здесь встретили ашкеро дэджазмача Демесье: собирали продовольствие для похода на царя Абдурахмана. Булатович угостил людей Демесье обедом и выяснил: царство Абдурахмана очень невелико, занимает течения рек Туматы и Бени-Шангула. К Демесье на соединение идёт дэджазмач Джото. Чем больше войска, тем короче война.

В семь утра Булатович и Уольдэ Тадик были в седлах. Переправились через реку Добану, одолели хребет Долати — пять часов езды, и наехали на заставу на реке Дидеса. Начальник заставы отказался указать броды белому, проводников не дал.

Сами нашли мелководье, перебрались на другой берег. В шесть часов вечера Булатович и Уольдэ Тадик были в лагере дэджазмача Демесье. К Демесье у Булатовича имелось письмо от Менелика.

Сойдя с мула, первым делом русский офицер сел писать прошения. Одно — негусу Менелику, другое — в Россию. Испрашивал позволения участвовать в походе Демесье.

Время на ожидание ответов было. Для Демесье везли из Аддис-Абебы тысячу ружей. Идти на Абдурахмана с копьями, с луками — испытывать судьбу.

На третий день пребывания в лагере на Дидесе пришёл караван Булатовича. Все вещи целы, а в людях убыль. Во время переправы через реку крокодил утащил слугу.

Две недели Александр Ксаверьевич тешился охотой. Ответа из Аддис-Абебы не было.

Двадцать восьмого января корнет взял с собой Уольдэ Тадика и помчался к Менелику.

В седла садились в шесть утра, ехали до двенадцати. Пережидали полуденный жар и — в дорогу до захода солнца. За день одолевали по сто-сто десять верст.

На четвёртые сутки, вечером первого февраля, были в Аддис-Абебе. Булатович остановился у Мондона — советника Менелика. Мондон — автор многих трудов по языку, Менелик любил учёного, и уже утром корнет говорил с негусом.

АУДИЕНЦИЯ

На голове — белый платок, сверху — шляпа, бурнус с золотым шитьём. Босые ноги. Им-

ператор. Булатович в белом мундире, выгоревшие до золотого усы, золотое на золотом солнце Абиссинии, светящееся радостью лицо.

Государственный визит, но Александр Ксаверьевич улыбнулся. И Менелик улыбнулся:

– Рассказывай, что видел!

– Твоё царство, государь, «Песня песней», но я четыре дня скакал к тебе испросить твоего монаршего соизволения участвовать в походе Демесье на царя Абдурахмана.

Менелик весело щёлкнул ладонью о ладонь.

– За четыре дня с берегов Дидессы! Ты птица.

– Государь, я жду твоего ответа! – Булатович склонил голову.

Менелик радостно засмеялся, совсем тихо и очень хорошо.

– Господь услышал мои молитвы. Войны не будет. Абдурахман разумно покорился моей воле. Его царство отныне – частица моей большой Абиссинии.

Булатович смотрел на негуса и не знал, что сказать.

– Твое царство, нгусэ нэгест, растёт быстрее, чем я езжу.

Менелик потянул в себя воздух и вздохнул, искренне, огорчённо.

– Меня другая война заботит. Рас Уольдэ Георгис прислал гонца из Каффы. Царь Каффы теснит и бьёт моего раса. Я послал Демесье на помощь, но поход через горы, через реки – дело долгое.

– Можно я? – вырвалось у корнета.

Менелик не улыбнулся.

– Нельзя. Итальянцы убили многих наших воинов.

– Но я русский!

– Ты белый. Белого могут убить мои ашкеры, мстя итальянцам.

Булатович стоял перед Менеликом, не зная, куда себя девать. Уйти?

– Поезжай к Гэбрэ Егзиабееру! В Леку! – решил Менелик. – Там будет большая охота на слонов.

– Мулов надо дождаться.

– Без тебя охоту не начнут, – сказал Менелик. – А теперь садись и расскажи, что видел у Тасама. О плохом тоже говори. Мне дороги мои подданные.

МУДРЫЙ МЕНЕЛИК

Десять дней ждал свой караван Александр Ксаверьевич. Время проводил с пользой. Беседы с Мондоном о тонкостях амхарского языка – академия. О Менелике многое узнал.

Швейцарец Ильг был у Менелика советником по технике. В Европе всё лучше: оружие, предметы быта, одежда, даже башмаки.

– Менелик требовал от Ильга, – рассказывал Мондон, – сделать ружьё и шить ботинки. Ильг убеждал негуса в очевидном: производство оружия и обуви требует инструментов. Менелик стоял на своём, и швейцарец, к великому торжеству негуса, сделал-таки ружьё. Менелик его хранит в сокровищнице, где золото и драгоценные камни.

– Я знаю, чего добивался от Ильга негус, – сказал Булатович. – Ему важно было убедиться, что ружья можно изготавливать в его родной Эфиопии.

Мондон улыбнулся:

– Вы очень молоды, Александр, но проницательны... Предшественник Менелика, император Федор, называл эфиопов ослами. Он не верил в самую возможность осовременить отсталую свою страну. Эфиопия почти такая же, как при царице Савской...

– Менелик другой! – радовался за негуса Булатович. – Он хочет ездить на паровозе.

– Причем не пассажиром, но одновременно машинистом и кочегаром! – засмеялся Мондон. – Менелик – это ваш Петр Великий. На вид почти крестьянин, но мудрость у него царская. Вы заметили, Александр, в Аддис-Абебе и в других городах Абиссинии нет богатых купцов из местного населения. Это отнюдь не национальная черта эфиопов. Это политика Менелика. Весь капитал Абиссинии принадлежит лично негусу. Купечества в стране, однако, много. Это греки, индусы, армяне и европейцы. Менелик именно европейцев ссужает деньгами для процветания торговли.

– Почему так? – удивился Булатович.

– Логика монарха. Он даёт деньги небогатым иностранцам из небольших государств. Эти люди и эти малые страны не в силах заняться колонизацией Абиссинии. В начале семидесятых Менелик отправил одного священника во

Францию и Италию закупить оружие и установить связи. Итальянцы прислали графа Антонелли заключить договор о торговле и дружбе, а потом прислали войска.

СВЯТОЙ ЦАРЬ ЛАЛИБЭЛЫ

Мулы всё ещё были в пути. И Александр Ксаверьевич перебрался в дом красавицы Македы.

Она рисовала теперь житие царя Лалибэлы. Рождение строителя удивительных церквей было необычайно. Младенца, вышедшего из чрева матери, окружил рой пчёл.

— Пчёлы ведают, родился великий человек! — сказала мать о своем чаде и нарекла его Лалибэлой, что означает «ведает пчела благодать его». Пророчество сбылось. Лалибэла самой жизнью своей источал мёд добродетелей. Постом он превосходил постников, чистотою — чистых, поклонением — поклоняющихся, смирением — смиренных, кротостью — кротких, милосердием — милосердных, милостыней — милостивых, любовью к ближним — человеколюбивых, посещением церкви — ранних богомольников, миром — мирных.

Пчёлы, окружившие новорожденного, напроносили царственность Лалибэлы. Они обернулись бесчисленным войском, а их жала стали грозным оружием.

Александр Ксаверьевича приводили в восторг рисунки Македы о восхищении¹² души блаженного Лалибэлы на первое, на второе и на третье небо. Простота рисунков состязалась с наивностью преданий. Но искренность превращала и слово, и рисунок в чудо.

Брат Лалибэлы Харбай, царь страны, опасался за свою власть. Харбаю взялась помочь избавиться от брата их сестра. Она прислала блаженному полную чашу сикеры, куда подмешала смертельный яд.

На рисунке были начертаны слова: «Не ведают и не разумеют ходящие во тьме!»

Лалибэла на рисунке возлежал, он был тяжело болен, его внутренности грыз страшный червь.

Александр Ксаверьевич, посмеиваясь, сказал своей домашней царице Савской:

— А Лалибэла-то — истинный эфиоп. Парное мясо любил, коли червя в кишках завёл.

— Червь Лалибэлы — подобие змея, соблазвившего Еву, — личико Македы было серьёзное.

На её картине чаша сикеры была пригублена. У постели Лалибэлы лежали бездыханный юный диакон, который отпил глоток сикеры, благословляя, и мёртвый пес, сожравший блевотину диакона.

Картина ужасная. В чаше — яд, но Лалибэла, приподнявшись с ложа, пьёт саму смерть.

— Почему он убивает себя? Всё ведь ясно: брат и сестра прислали отраву! — удивился Александр Ксаверьевич.

— Лалибэла знал сказанное апостолом Павлом, — ответила Македа. — «Что бы вы ни делали, ничто не на пользу вам без любви к ближнему. Если я имею дар пророчества и знаю все тайны, а не имею любви, то я ничто и нет мне в том пользы, ибо любовь есть закон совершенный». Лалибэла плакал об умерших, но соединил в сердце любовь к Богу и любовь к брату и сестре. Он выпил яд, воскликнув: «Да умру, подобно диакону и псу, ибо за меня умерли они!»

— Понятно! — улыбнулся Александр Ксаверьевич. — Твой рисунок теперь показал мне, что было и как. Вот он, кольчатый червь. Яд не убил Лалибэлу, а избавил блаженного от мерзкой болезни.

— У червя пятьдесят колец, — сказала Македа. — Можешь посчитать. А жив Лалибэла, потому что сказано Господом: «Если выпьют они смертельное, ничто не повредит им и ничто им не сделается». Господь послал Лалибэле трёхдневную смерть, чтобы восхитить его душу на небо. Когда блаженный пил яд, появился ангел и научил бесстрашного песне.

Македа взяла масенку, тронула струну и запела: — «Пошли свет Твой и истину Твою, да ведут они меня и приведут на святую гору Твою и в обители Твои...»

Мелодия была шемящая, голос Македы тоньше волоса на масенке, но тёплый.

Так поют у нас синицы, ожидая весну, — изумился Александр Ксаверьевич.

— «Взойду ли на небо, Ты там, — пела Македа, — сойду ли в преисподню, и там Ты. Возьму ли крылья орла и переселюсь на край моря, и там рука Твоя поведёт меня и удержит меня десница Твоя».

— Ах, побывать бы на той горе, где царь Лали-

бэла построил свои десять церквей! — вырвалось у Булатовича.

Одной рукой обнял певунью, другой взял картину и поцеловал.

ОХОТА НА СЛОНОВ

Караван Александра Ксаверьевича пришёл в Аддис-Абебу одиннадцатого февраля. А тринадцатого быстрый русский был уже в пути. Сборы получились мгновенные. Взял с собой маленькую палатку, два выюка с подарками и ружья. Шесть стволов Гра, две трёхлинейки, штуцер, двухстволку и ружьё на слона. Четвёртый калибр — двадцать четыре фунта весом. Купил в Аддис-Абебе за сто двадцать талеров. К ружью полагались разрывные пули.

Нанял четырнадцать слуг.

Как всегда, спешил. Впереди — четыреста вёрст. Хотелось попасть на пароход, отходящий из Джибуты второго апреля. Но дорога вела в противоположные страны.

Пятнадцатого февраля ночевали на вершине перевала Галеа, шестнадцатого поднялись на горы Гибье, сделали привал в городке ликэ макуаса Абаты. Герой битвы под Адуа в честь гостя зарезал барана. Заговенье на Великий пост.

Семнадцатого одолели вершины Тулу-Амара и Тибию. На другой день форсировали верховье реки Гибье. Девятнадцатого в 12 часов дня Булатович и его караван прибыли в Лекамти. В пути шесть суток. Провизией караван не обременяли. В дороге до поста кормились газелями.

В Лекамти Булатовича встречали солдаты дэджазмача Гэбрэ Егзиабееера. Он был галлас, но Лека присоединилась к царству Менелика добровольно.

Дэджазмач лежал в лихорадке, Булатовичу передали его письмо: просил помощи.

Трясуницу Егзиабееер схватил на охоте. Гнали за слонами, после дождей трава была огромная. Траву подожгли, а ветер понёс огонь на охотников. Спасение искали в болоте. Но и в болоте многие сгорели, в тростниках. Уцелевшие все как один заболели лихорадкой.

Булатович не побоялся, поехал к больному, сделал укол, поделился хиной. Властителю Леки стало лучше, угощал гостя, рассказывал о себе.

Галласские земли покорил рас Гобана, но отец

Гэбрэ Егзиабееера, мудрый правитель Леки, пошёл под руку негуса своей волей. Налоги галласы Леки платят небольшие, с домов и со скота. Похоронив отца, Гэбрэ крестился, крестил одну из трёх жен, остальных отпустил.

Менелик к Леке милостив, Егзиабееер среди его любимцев.

Дэджазмач ради гостя охоту на слонов назначил уже на следующий день — двадцатого февраля. Охотиться решили в долине Абая, где течёт Голубой Нил.

Начальником охоты Гэбрэ Егзиабееер назначил бальджерона (начальника мастерских) Хайле Мариама. Под его команду дэджазмач отдал восьмьсот солдат, вооружённых ружьями и луками.

Место, куда направлялась вся эта армия, называлось Хендек — царство лихорадки и замечательных земель. Но галласы — народ сообразительный. Земли засевали и тотчас уходили. Являлись снять урожай.

Утром, когда двинулись в поход, Булатович приметил женщин. Все с тыквами. Оказалось, в тыквах — квашня для ынджеры.

— Будем с хлебом!

Для своего груза Булатович взял одного мула. Палатка, перемена белья, два бурдюка с кукурузой для слуг. На охоту отводилось десять дней.

Александр Ксаверьевич ехал впереди. О слонах должны сообщить разведчики, но — нетерпение! Ожидал уже в следующее мгновение увидеть огромное животное. Слон — венец охоты. Большого зверя на земле нет. Разве что киты в океане, но это уже другая стихия.

Когда после захода солнца забирался в палатку отоспаться за бесцельно прожитый день, подумал: «А ведь это я разогнал слонов! Своею жаждою добыть великий трофей».

За пологом палатки — Африка, но юношеское желание чуда притупилось. Солдату, чтоб не быть убитым по нерасторопности, по утрате чувства опасности, нужно хорошо выспаться. И солдат Булатович спал, отстранив от себя сантименты, мальчишество и прочее.

Утром на мула — и за следопытами. Увы! Следопыты за десять дней слонов не нашли. Кукуруза три дня тому назад кончилась. Слуги голодали. Утомлённое войско возвращалось восвояси с пустыми руками, с пустыми животами.

На реке Ангур Булатович увидел громадных

бегемотов. Слуги смотрели на тонны живого мяса с вожделием. Но гиппопотам — чудовище изумительно быстрое и жестокое.

Александр Ксаверьевич опробовал ружьё на слонов. Убил громадину одной пулей.

Бегемота съели.

ВТОРАЯ ОХОТА

Месяц, соответствующий февралю, у эфиопов тридцатидневный. В Лекамте армия охотников вернулась второго марта.

День на снаряжение. Искать слонов отправилась четвёртого совсем другая армия. Тысяча копыеносцев.

Четыре сотни конных вооружились копьями джамби — пятиаршинными. Шестьсот воинов — пешие — имели по три коротких копья. Булатовичу объяснили: джамби метают в слонов с высоких деревьев.

Войско сразу разделилось. Пешие пошли напрямик, конные — по дуге. Увы! Хитрость не помогла. За трое суток слонов не нашли.

Надежда покинуть Африку на корабле, отплывающем второго апреля, стала несбыточной.

Александр Ксаверьевич успокоился. Радовался и изумлялся. Шли долиной, где росли деревья кусто. Огромные, листва темно-зелёная, плоды, столь необходимые любителям сырого парного мяса, покрывали дерево красными гроздьями.

Оба отряда сошлись в можжевельных лесах тиса и тэда.

Русские можжевельники — кустарник, а в Африке что ни дерево — великан. Высоты непостижимой! Каков возраст деревьев: поглядишь — и вечностью обдаёт! Стволы покрыты мхом. Мхи седые. Не лес, а сход аскетов.

Ещё день пути — и опять природа иная. Смоковницы и сикоморы тоже были сказочно высокие. В тени каждого дерева батальон может укрыться, высота стволов до сорока метров.

Булатовичу показали кустарник чешо. С его листьями варят мёд. Чешо в этом краю заменяет хмель.

На привал встали у небольшой деревни. Александр Ксаверьевич устроился отдыхать в тени молоденькой смоковницы.

Из круглого дома вышла молодая женщина. Галласка. На белого поглазеть. Александр

Ксаверьевич угостил босоногую даму горячим шоколадом.

Она показала на дом:

— Здесь живёт моя сестра. Я от мужа убежала.

— Бьёт?

— Нет. Надоел!

— Но он ведь найдёт тебя.

— Найдёт, — согласилась красавица. — Жёны — рабыни. Опять буду в рабстве и опять убегу.

Не женщина — тысяча и одна ночь.

— Если ночью станет холодно, приходи в дом, — пригласила красавица.

Гроза подкралась лазутчиком за час до заката солнца.

Чёрный великан вгонял в землю белые столбы огня, а крышу своего круглого дома покрывал громами. Такого пиршества молний Александр Ксаверьевич в России не видывал.

В дом галласки набилось столько народа, что красавица сама прибежала в палатку гусара. От ужаса разраставшихся по небу огненных деревьев женщина спасла себя, золотую, и белого человека тоже — любовью.

— Ты родишь громовержца! — сказал галласке Александр Ксаверьевич.

Она ответила серьёзно, а голос был счастливый:

— Я рожу убийцу львов и амхарцев!

Видимо, иные галласы помнили себя свободными.

Утром девятого марта начальник войска охотников — теперь это был Хайле Иесус — сам нашёл свежий след слонов. Второй начальник агафари Уольдэ Георгис прислал Булатовичу десять солдат. Позаботился оградить русского от нечаянной опасности.

Вот только двенадцать часов погони ничего не дали. Разбили лагерь для отдыха.

Засыпая, Александр Ксаверьевич услышал запах ладана. Должно быть, запах шёл от каких-то деревьев. Или почудилось — Великий пост. Встал. Молился, как в детстве. Чтоб всем было хорошо. Батюшку Иоанна Кронштадтского вспомнил. И о нём помолился.

Утром, без завтрака, поспешили по следам.

К десяти нажарились на солнце, сделали привал, но тут прибежали разведчики.

— Слоны под деревьями! В тени! У ручья!

Человеческий муравейник закипел. Кто-то из проворных крикнул:

— Вот они!

Булатович встал на стременах и увидел. Под огромными деревьями — огромные слоны. И слоны-дети! Живая грязно-серая масса, похожая на свежую глиняную стену, такая стена укроет большое селение. В стаде голов не менее сотни.

Поскакал, обгоняя осторожных, знающих промысел охотников. Выбрал самого большого зверя. Выстрелил с лошади. Слон рухнул на передние ноги. Стадо кинулось в дебри травы, но там их ждали. Поднялась пальба, слоны повернули на открытое место.

Александр Ксаверьевич перезарядил ружье и снова попал. Снова хватило одной пули. И что-то обмерло в воздухе, в самой жизни. Мул пятился, мелко перебирая ногами.

— Господи! — возопило благоразумие страха. В ста шагах разъяренный слон. Клыки, как у монумента. Задрал хобот, трубит.

— Молиться! — закричал русскому чёрный ашкер. — Спасайся!

Булатович развернул мула, помчался не оглядываясь. Впереди — ручей.

Удельная выручила. Перемахнул воду в один скок. Развернулся.

А вокруг слона — рой пляшущих чёрных человечков. Человечки метают в великана копья, слон копья вырывал из себя, как иглы, метал в человеческий рой.

К слону устремился галлас с огромным джамби, мгновение, и слон опередил убийцу, вырвал хоботом копьё, расшиб о землю, кинулся на всадника. Перед конём галласа оказалась гора, конь кинулся на гору, слон — следом. На погоню глядели завороженно. Конь уходил скачками. Слон, трубя, дотянулся хоботом до всадника, взметнул вверх и, ужасая добытчиков бивней, насадил охотника на свой клык. И дальше, в гору, перевалил вершину, исчез.

— А ведь он за мной гнался, — вслух сказал Александр Ксаверьевич.

По-русски сказал. Окинул взором поле убийства. Слоны окружены, но держатся скопом.

Поскакал мимо слонёнка. Бивней нет, вот и жив. Слонёнок, обессилев, стоял у смоковницы, обняв ствол маленьким хоботом. Может, держался.

Булатович нагнал охотников, опередил и опять-таки с седла выстрелил в слона с завид-

ными бивнями. Слон зашатался, но бежал. Булатович выстрелил ещё раз, и ещё. Слон завалился на бок.

Слоны с участью своей не мирились. Совсем ещё молодой вырвал с корнем деревцо, ударил копьёметателя. И человек кричит, страшно, надрывно. Слон раздробил обидчику руку.

Погоня обессилела. Остатки стада ушли.

Объявили, какова добыча: сорок один слон.

Три охотника растоптаны, двое убиты пулями. Начался безобразный делёж добычи. Кто ранил слона первым, тот получал бивни. Первенство оспаривали. Но никто не посягнул на трофеи русского. Его слоны бесспорны.

Александр Ксаверьевич лично убил трёх зверей, ещё двух — его слуги.

Уехал в Лекамти к дэджазмачу. Тринадцатого марта, в четверг, был уже в гостях у Гэбрэ Егзиабеера. Подарил ему слоновое ружьё. Тот отдался саблей и кубком из рога буйвола. Кубок был огромный. В серебре.

Утром, перед дорогой, Александр Ксаверьевич помолился в храме. На молебен с ним пошёл грек Георгис. У него был чин баламбараса. Раньше лил пушки Менелику, теперь — скупщик золота и циветтевого мускуса. Пришёл поглядеть на русского англичанин Мекельбу. Английский солдат, дезертир. До того прижился в Эфиопии — забыл английский язык.

Церковь была новая. Росписи яркие. На Царских Вратах на одной створке — Архангел Гавриил, на другой — Архангел Рафаил. Гавриил — в пёстрой рубашке, в красной шапке, красные туфли загнутые. В руке — меч, под рукой — море. В море тонет фараон с египтянами. У Моисея длинная чёрная борода, он пляшет на берегу, хлопает в ладоши. Его окружают левиты. Рафаил одет, как и Гавриил, но в море под ним — огромная рыба. Рафаил пронзил одну жабру копьём. И рыба уже не только рыба, но и остров. На этом острове, объяснили Александру Ксаверьевичу, во время гонений укрываются святые.

Направо от Царских Врат — икона Богородицы. Под образом — Менелик и Таиту. Они указывают на Гэбрэ Егзиабеера, на его жену, на двух детей. У Гэбрэ в руке — Псалтырь.

Налево от Царских Врат — Архангел Михаил

и Георгий Победоносец. Заступники самые надёжные.

После службы Булатович написал письмо Менелику, рассказал об охоте. Сорок один слон — добыча замечательная. Иные бивни по шести пудов.

Гэбрэ Егзиабеер письмо русского отправил с гонцом без промедления. Сам Александр Ксаверьевич выступил в поход в три часа дня, когда солнце умеряет неистовый жар. Началась обычная погоня за временем.

Одолели до захода солнца двадцать вёрст. Выступили в шесть утра. Попали в репейники. Настоящие русские репейники, только с дерева, а сами репы — с голову человека.

Тропа завела в травяные дебри. Мулам по грудь. Прямо-таки плаванье.

На привале рассматривал красных муравьев. Огромные. Потом встретили чёрных, Уольдэ Тадик показал Александру Ксаверьевичу ещё и белых. Здесь их называли «мист».

Существа как существа, но самая настоящая ходячая беда. Каждые три года местные жители ставят новый дом. Дома сжирают эти самые белые муравьи.

В одном из домов, доживавшем свое трёхлетие, — новый был уже почти готов, — путешественников угостили крепчайшим тэждем. Показали чёрный мёд, из которого сделан напиток. Угостили мёдом осы. Празмой. Мёд с кислинкой, но вкусный, взбадривающий.

Добывали мёд в земле. Возможно, этот мёд не осы, а пчелы. Земляной. Проверить времени не было.

Александра Ксаверьевича томила охотничья забота. Кого еще не добывал? Встретились антилопы бохор. Застрелил. Антилопа с козу величиной. В скалистых горах видели обезьяну Занжеро. Дорога в лес. И вот они, гурезы. Красивые обезьяны, шерсть шелковая, удивительно чёрная.

Уольдэ Тадик сказал:

— Местные люди убитой гурезы не касаются. Они постницы. Их пост по средам и пятницам.

Александр Ксаверьевич на такую обезьяну ружья не поднял. Выстрелил в серую, маленькую, с бакенбардами. Обезьяны тот — бич крестьян, посевами кормятся.

Обезьянка была ранена, и спасать её примчал-

ся самец. Александр Ксаверьевич и в самца выстрелил. Убил.

— Землепашцы мне спасибо скажут.

ПРОЩАНИЕ С НЕГУСОМ

Девятнадцатого марта Булатович заночевал в трёх верстах от Аддис-Абебы.

Подсчитал: путешествие заняло двадцать девять дней. Один день пришёлся на отдых. Триста шестьдесят вёрст одолел за шесть суток. Остаток пути — сорок вёрст — прошёл за семь часов.

Рано поутру двадцатого марта Булатовича приветствовал ружейной канонадой конвой негуса. Конвой проводил путешественника до дворца. Негус приветствовал русского офицера, славного охотника на слонов, пригласил на завтрак.

На завтраке Александр Ксаверьевич был зван для беседы — завтра.

Они сидели за круглым столом. Одни. Менелик в белой шамме, но на голове и платок, и шляпа. Глаза, удивительно карие, светились ласково.

— Ну, что видел? — спросил Менелик.

— Мне всё дорого, — сказал корнет правду. — Мёд, добытый в земле, — удивление, а слон, сорвавшийся с седла охотника и насадивший беднягу на свой клык, — африканский ужас.

— А каков русский ужас? — глаза у Менелика светились ласково, но лицо от вопроса — так показалось корнету — осунулось.

— Наш ужас — бедность.

Менелик изумился.

— Среди белых есть бедные?

— Это так, нгусэ нэгест! — Булатович показал на сосуд с напитком. — Сверху лепестки цветов — это дворянство и купечество. А вся остальная масса — народ. Крестьяне.

— Насколько же бедны ваши крестьяне? Что у них есть и чего нет?

— Есть земля, но редко кто может прокормить семейство. Земли в России бедные, а главное — север. Короткое лето, долгая зима. Чернозёмы есть, тучные, дающие огромные урожаи, но эти земли у дворян. А если у крестьян, то ртов так много, что приходится жить в долг.

Менелик перегнулся через стол.

– Ты скажи, что есть у русских бедных крестьян?

– Земля, изба, лошадь, корова, овцы, куры. Где как. Если вода близко, гусей заводят, уток.

Менелик показал на шамму, Булатович понял вопрос.

– Русские люди – хуже-лучше одеты. У нас зима – снег, морозы. У всех взрослых есть шубы, а вот сапоги далеко не у каждого. Народ носит лапти из лыка.

– Это бедность? – Менелик поднял брови.

– Бедность, нгусэ нэгест! У вас еду можно сорвать с дерева. У нас тоже есть ягоды, грибы, орехи. Но этим себя не прокормишь. Когда на дворе по полгода снег, нужно кормить семью мясом, молоком, маслом! Наша бедность от многолюдья. В семьях много детей. Чем семья моложе, тем отцу семейства тяжелее. Дети малы, а рабочие руки – твои да жены... Твой народ, нгусэ нэгест, живёт, не думая о завтрашнем дне. Ты негус счастливого царства.

Менелик поднял глаза, может, и помолился.

– Лека даёт мне сто пятьдесят пудов слоновой кости. Это сто укетов. И дает пятьсот укетов золота. Около полпуда. Скажи, такая дань тяжкая?

Посмотрел в глаза Александру Ксаверьевичу.

– Сто пятьдесят пудов – тридцать бивней. Мы за одну охоту добыли восемьдесят два бивня. Это очень по-божески.

– По-божески? – улыбнулся Менелик: русское выражение ему понравилось.

– Сегодня четверг. В субботу я буду готов в дорогу. Нанял двенадцать слуг, остаётсякупить мулов.

– В воскресенье будь с нами, – сказал Менелик. – В Харар пойдешь во вторник, двадцать пятого. Шесть мулов до Харара я тебе даю из моих конюшен.

– Я бы хотел быть в России, – глаза негуса стали влажные. – Пусть Бог пошлёт мне свидеться с тобой, быстрый русский, ещё раз.

– Я полюбил Абиссинию. Я полюбил негуса Абиссинии, – сказал Булатович совсем не дворцовые слова.

Менелик поднялся из-за стола. Поклонились иконе.

– Будет так, как записано в Книге судеб, – Менелик положил тяжёлые свои руки на плечи

корнета. – Негусу нельзя любить проходящих к нему людей. Сердца не хватит.

– Сердцу не прикажешь! – вырвалось у Булатовича.

– Сердцу не прикажешь! – радостно согласился Менелик.

ДОМОЙ

Караван гусара лейб-гвардии покинул Аддис-Абебу в час дня двадцать пятого марта, четвёртого апреля Булатович записывал в дневнике: «Прибыл в Харар. 600 верст пройдено за десять с половиной дней по горной Черчерской дороге. 40 верст делал в сторону навстречу каравану Ато Иосифа за своими вещами».

Восьмого апреля, взяв с собой восемь слуг, выступил в Гольдессу. Прибыл через несколько часов. Отослал мулов Менелику, нанял пять верблюдов – вот и караван для пустыни.

Шестнадцатого апреля в 8 часов утра был в Джибути, свой караван обогнал на пятьдесят верст».

Французский пароход «Амазон» покидал Африку двадцать первого апреля.

Под кормой – драгоценное сияющее синее Красное море. Над головой всё ещё солнце Африки, но уют европейский.

Александр Ксаверьевич под тентом в кресле переписывал в тетрадь из блокнотов слова.

Бог. По-абиссински – «егзиабгер». На сидамо – «тоса». На гимири – «ка», «кий». На шуру – «тумо».

Слово «диавол» по-амхарски – «сайтан», на сидамо – «талахи», на гимири – «шембато», на шуру – неизвестно.

Слово «царь». По-абиссински – «атье», «негус». На сидамо – «к'ати». На гимири – «тэнд», на шуру – неизвестно.

Слово «человек». По-абиссински – «соу». На сидамо – «аса», на гимири – «ац». На шуру – «мэн».

Слово «женщина». По-абиссински – «сьет», на сидамо – «мача», на гимири – «мыг», на шуру – «мэнити».

Слово «вода». По-абиссински – «уаха», на сидамо – «асса», на гимири – «со», на шуру – «ма»...

Крупницы знания о большой древней стране. Знания для русского народа. Золотинки.

Леонтьев добыл в Абиссинии титул графа. Абиссинский титул, но всё-таки...

Александр Ксавьеревич себе ничего не добыл. В звании скорее всего повысят, но, во-первых, пора, во-вторых, заслужил.

– Не добыл, обрёл, – сказал себе Александр Ксавьеревич. Это было нечто неосязаемое, но замечательное. Замечательное, как душа.

Всё в Александре Ксавьеревиче устремилось на поиски образа Абиссинии. Тяжёлые морщины и тепло глаз Менелика. Галласка, сбежавшая от мужа. Сотворённая из золота Македа. Леопард на дереве. Слоны, молящие у Бога победу. А может быть, ровные столовые вершины гор и крест, карающий даже за самую малую ложь? Пылающее оранжевым огнём утро. Ночь и гроздь звёзд. Вопли шакалов и рёв гиен.

Мысль, отсекая одно за другим, оставила лицо негуса. Волна из сердца колыхнула Менелика и смысла. Явилась Македа. Непревзойдённая природой красота, хранимая самой землёй со времён царицы Савской. Грех? Но человек – это и есть грех. Одолеть грех человек не в силах, уж очень велики и многослойны тенёры¹³, но ведь сражается, но ведь бьётся, и потому прощён.

За бортом – сияющий кристалл. Такой синевы Россия не знает. Берега безобразно пустые, бесцветные. И такого в России в изумрудной нет.

– Господи! – душа хлынула в небо и объяла мир.

Бог вдохнул в него душу Абиссинии. Пришло на ум: «Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрёт».

Примечания

¹ За историческую достоверность, точность дат, фактов, имён, географических названий редакция ответственности не несёт.

² Эгир, Aegir, Ägír – тип кораблей.

³ Произношение героем искажено либо не соответствует современному.

⁴ Масенко – эфиопская скрипка.

⁵ Дэджазмач – военный почётный титул в Эфиопии.

⁶ Нгусэ нэгест – титул императора, т.е. «негус негусов», «царь царей».

⁷ Шамма – большой белый отрез хлопчатобумажной ткани, расшитой цветными узорами.

⁸ Адали – эфиопское название народа «афар».

⁹ Источник: Вандергейм Ж.-Г. В походе с Менеликом, негусом абиссинским (двадцать месяцев в Абиссинии) / в переводе Л.А. Бич-Богуславского. – Одесса, 1896.

¹⁰ Трахома – инфекционное заболевание глаз.

¹¹ Этигье – императрица.

¹² Восхищение – от глаголов «восхищать» в значении «выхватывать, уносить, увлекать в высоту».

¹³ От фр. «Teneur».

Владислав Анатольевич БАХРЕВСКИЙ –

прозаик, поэт, детский писатель, драматург, публицист, критик.

Родился в 1936 г. в Воронеже.

Окончил педагогический институт в Орехово-Зуеве.

Автор более ста книг для взрослых и детей.

Первая его книга – «Мальчик с Веселого» – была издана в 1960 г.

Наиболее известны его исторические романы: «Василий Шуйский», «Смута»,

«Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпицы» и др.

Многие произведения писателя адресованы детям:

«Дядюшка Шорох и шуршавы», повести «Агей», «Голубые дуга», «Скиф и грек»,

«Кипрей-Полыхань», «Солдат-орешек», «Повелитель пампы» и т.д.

Лауреат премии Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества (1968),

Всероссийской премии «Капитанская дочка» (1997),

премии им. Александра Грина (2005),

литературной премии журнала «Север» (2013) и др.

Член Союза писателей России с 1967 г.

